

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сборник научных статей

Выпуск 18

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
И ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Том 2

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2022

УДК 340.1
ББК 67.0
Т67

Научный редактор –
доктор юридических наук, профессор *О. С. Рогачева*

Трибуна молодых ученых : сборник научных трудов.
Т67 Вып. 18 : Современные тенденции развития гражданско-
го права и цивилистического процесса : в 2 т. / под ред.
О. С. Рогачевой ; Воронежский государственный универ-
ситет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2022.
ISBN 978-5-9273-3541-1
Т. 2. – 148 с.
ISBN 978-5-9273-3543-5

В сборник научных трудов вошли статьи аспирантов юри-
дического факультета Воронежского государственного универ-
ситета по актуальным проблемам правового регулирования в
различных отраслях права и процесса.

Для студентов, аспирантов, преподавателей, а также науч-
ных работников и практикующих юристов.

УДК 340.1
ББК 67.0

ISBN 978-5-9273-3543-5 (т. 2)
ISBN 978-5-9273-3541-1

© Воронежский государственный
университет, 2022
© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

<i>Барменкова Я. А.</i> Процессуальные особенности участия прокурора в гражданском процессе при даче заключения	5
<i>Бувва А. С.</i> Познание отдельных аспектов доказывания – фактор объективного и всестороннего рассмотрения гражданского дела	11
<i>Гапоненко Д. В.</i> Опубликование текстов судебных актов цивилистического судопроизводства Республики Беларусь в открытых источниках.....	17
<i>Гильманов Р. Ф.</i> Сущность и значение административного судопроизводства.....	25
<i>Гончаров Д. М., Лебедев С. Н.</i> О фальсификации доказательств в арбитражном процессе	29
<i>Дроздов П. П.</i> Групповые иски в гражданском процессе: проблемы и перспективы.....	36
<i>Дружинина Д. А., Сватухина Т. А.</i> К вопросу о правомерности отнесения дел о помещении несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа к делам административного судопроизводства.....	42
<i>Дудукина К. С.</i> Некоторые аспекты фальсификации доказательств в контексте применения цифровых технологий в цивилистическом процессе	49
<i>Киямова Д. В.</i> Проблемы обеспечения доступности правосудия: общие положения	56
<i>Колодкина А. В.</i> Рассмотрение индивидуальных трудовых споров в суде	61
<i>Коновалова А. Ю.</i> Последствия переквалификации исков судом	67

Кулик В. Ю. Информатизация судебной деятельности в Российской Федерации: риски и актуальность внедрения.....	74
Матвеева К. А. Альтернативные способы разрешения споров между Организацией Объединенных Наций и субъектами, вступающими с ней в частноправовые отношения международного характера: текущее состояние и направления совершенствования	80
Мирзакрева Л. И. Электронное правосудие в гражданском судопроизводстве	88
Мезенцева А. Ю. Примириительные процедуры в гражданском процессе на современном этапе.....	94
Нагавкин А. Е. Мировое соглашение с прокурором: почему нельзя «договориться» с надзорным ведомством?.....	101
Поротикова К. А. О возможности использования правовой экспертизы в гражданском процессе.....	107
Ромаданова А. С. Цифровые и электронные доказательства в гражданском процессе	113
Соловьев С. С. Допустимость доказательств в гражданском процессе	119
Стерликова В. С. Право граждан на судебную защиту и принципы гражданского процесса по законодательству зарубежных стран	123
Труханов Д. Д. Применение доктринальных положений в гражданском судопроизводстве	129
Уменушкина О. К. Свидетельский иммунитет священнослужителей.....	136
Чеминава Т. К. Принципы вежливости и взаимности при реализации иностранных судебных актов на территории РФ	142

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.963

Барменкова Ярослава Алексеевна

Тверской государственной университет, г. Тверь

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ПРИ ДАЧЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Barmenkova Yaroslava Alekseevna

Tver State University, Tver

PROCEDURAL FEATURES OF PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN CIVIL PROCEEDINGS WHEN GIVING AN OPINION

Аннотация: рассмотрены процессуальные особенности дачи заключения прокурором, его материальное и процессуальное значение.

Annotation: the procedural features of giving an opinion by the prosecutor, its material and procedural significance are considered

Ключевые слова: гражданский процесс, заключение прокурора.

Key words: civil process, prosecutor's conclusion.

Согласно ч. 3 ст. 45 ГПК РФ (далее – ГПК РФ), вступление в процесс для дачи заключения по делу не право прокурора, а его обязанность. Данное утверждение также подтверждается абз. 3 п. 3 Приказа от 11.01.2021 № 2¹, устанавливающего, что вступление в процесс на любой его стадии и дача заключений по делам, предусмотренным ч. 3 ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 7 ст. 39 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), и в иных случаях, установленных федеральными законами является основной обязанностью в рамках реализуемых прокурату-

рой задач. При этом в судебной практике и сегодня встречается достаточное количество примеров, когда прокурор не вступил в процесс в форме дачи заключения.

Так одним из примеров служит Апелляционное определение СК по гражданским делам Рязанского областного суда от 07 июля 2021 г. по делу N 33-1883/2021, где суд первой инстанции не привлек к участию в деле прокурора, рассмотрев дело в его отсутствие, не извещенного о месте и времени судебного разбирательства. И результатом данного нарушения была отмена решения, принятого в первой инстанции, а также пересмотр результатов дела в апелляции по правилам первой инстанции.

Особое значение в рамках настоящего исследования имеет позиция Конституционного суда РФ, относительно правил, предусмотренных ч. 3 ст. 45 ГПК РФ. Так в определении Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2019 г. № 406-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Трапезникова Сергея Яновича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пунктом 1 статьи 24 и пунктом 1 статьи 35 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации» указывается:

– участие прокурора в форме дачи заключения – является процессуальной гарантией реализации прокуратурой полномочий, определенных Федеральным законом от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»);

– заключение прокурора не может предопределять позицию суда по конкретному делу, которая должна формироваться в результате установления фактических обстоятельств, а также беспристрастного, всестороннего и полного исследования всех материалов и доказательств, заслушивания мнений, доводов сторон и других лиц, участвующих в деле. Таким образом, данный вывод фактически говорит о том, что обязательного юридического значения для суда заключение не имеет.

Иные особенности отражены в абз. 4–5 п. 6 Приказа от 11.01.2021 №2:

– в рамках упрощенного производства, где участие прокурора является обязательным, он (прокурор) обязан направлять в суд заключение в письменной форме;

– невозможность одновременного участия прокурором в двух и более формах при рассмотрении одного и того же дела.

Отсутствие в федеральном законодательстве, а также внутриведомственных актах понятия, структуры заключения прокурора вызывает потребность анализа судебной практики с целью выявления его характерных особенностей.

Для того, чтобы определить значение заключения прокурора следует найти ответы на следующие вопросы: что понимается под заключением прокурора; процессуальное и материальное значение заключения прокурора; на ком лежит обязанность информировать прокуратуру о рассмотрении дел из категории, указанных в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ.

Отвечая на второй вопрос, следует обратиться к «Обзору судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.07.2019), который определяет, что существенным является нарушение судами первой и апелляционной инстанций положений ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, в соответствии с которыми прокурор вступает в процесс и дает заключение по делам о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях, предусмотренных Кодексом и другими федеральными законами, в целях осуществления возложенных на него полномочий.

Кроме того, определены и стадии процесса, на которых участие прокурора является обязательным: на любой стадии процесса, в том числе и на стадии предварительного судебного заседания. Иными словами, Верховный Суд РФ устанавливает правило о том, что полное отсутствие прокурора на всем процессе или же только на его части есть существенное нарушение норм гражданско-процессуального права, при этом ч. 3 ст. 45 ГПК РФ говорит иное – неявка прокурора, извещенного о времени и месте рассмотрения дела, не является препятствием к разбирательству дела. В свою очередь, такие обстоятельства являются одними из оснований отмены принятых решений, однако с уточнением – если прокурор не был извещен о времени и месте рассмотрения дела.

Таким образом, можно утверждать, что основой соблюдения прав, свобод и установленного нормативно-правовыми актами

процессуального порядка, является не формальное присутствие прокурора, а его самостоятельная оценка обстоятельств (нет знака равенства между «участие» и «присутствие»).

Важной в контексте вышеназванного вопроса остается и позиция, выраженная в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» и Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микро предприятиям», согласно которой дела, отнесенные к категориям, установленных в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, должны в обязательном порядке рассматриваться с участием прокурора.

Кроме того, согласно Определению Московского городского суда от 20 апреля 2018 г. по делу № 4г-2470/2018, заключение прокурора по делу представляет собой резюме, содержащее правовую оценку рассмотренных судом обстоятельств и мнение прокурора о том, какое решение, основываясь на положениях закона, следует принять по делу. При этом судебная практика указывает: «Заключение прокурора не имеет обязательного значения для суда, который может с ним согласиться, так и отвергнуть его»²; «заключение прокурора оценивается судом в совокупности с доказательствами по делу (ст. 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), не имеет обязательной силы для суда»³, а также «суд не связан при принятии решения с заключением прокурора»⁴.

Суды единодушно отрицают юридическое значение заключения прокурора. В таком случае следует задать вопрос – а зачем законодателем был предусмотрен данный институт, если материального значения для разрешения дела нет. Представляется, что позиции судов следует рассматривать несколько в ином ключе. Отсутствие заключения, которое подтверждает участие прокурора в процессе на практике, признается существенным нарушением, которое может повлечь негативные правовые последствия при наличии других нарушений. Кроме того, само отсутствие прокурора в таком заседании дает право на обжалование

вание им самим принятого решения, при этом уже не требуется наличие других нарушений в принятом судом акте, согласно ст. 320 ГПК РФ, абз. 4 п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции».

Таким образом, не следует буквально понимать утверждения судов о значении заключения прокурора. Их утверждения являются верными в контексте влияния его на принимаемые судами решения, однако это в корне противоречит объективному пониманию.

Постоянное указание на рассмотрение дел с обязательным участием прокурора предполагает и определение лица/органа, который должен информировать или привлекать прокурора к такому участию. Такое косвенное правило установлено только в подп. «ж» п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации»: к участию в деле исходя из норм части 3 статьи 45 ГПК РФ должен быть привлечен прокурор.

Таким образом, анализ позиций Верховного Суда РФ во взаимосвязи с положением ч. 3 ст. 45, 34 и 113 ГПК РФ позволяет четко определить, что «обязанность привлекать», в том числе путем информирования (в форме извещения о месте и времени заседаний) возложена на суд, рассматривающий дела. Данный вывод подтверждается судебной практикой⁵.

Кроме того, получив ответы на вышеобозначенные вопросы, приходим к выводу, что, имея определенное значение (прокурор дает свою материально-правовую оценку, возможный вариант разрешения дела, основанный на точном соблюдении закона) в настоящее время вопрос дачи заключения прокурором недостаточно урегулирован. Действительно, есть правовые позиции, анализ которых свидетельствует о наличии некоего уровня регулирования процесса дачи заключения, однако он не является достаточным.

Следует, как минимум, утвердить определение дачи заключения прокурором:

– профессиональное мнение, основанное на правовой оценке рассмотренных судом обстоятельств, усмотренных в процессе нарушений или не в полной мере доказанных фактов, на которые ссылаются стороны, предложение возможного разрешения дела.

Дав легальную дефиницию заключения прокурора, законодатель устранил и непонимание его значения, которое сегодня не всегда верно трактуется в судебных актах.

¹ Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве: Приказ Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2. – Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.11.2021)

² Определение Московского городского суда от 20 апреля 2018 г. по делу № 4г-2470/2018 // СПС «Гарант» (дата обращения: 27.11.2021).

³ Апелляционное определение СК по гражданским делам Севастопольского городского суда от 13 ноября 2017 г. по делу № 33-3310/2017 // СПС «Гарант» (дата обращения: 27.11.2021).

⁴ Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 30 октября 2018 г. по делу № 33-47378/2018 // СПС «Гарант» (дата обращения: 27.11.2021).

⁵ Определение СК по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19 декабря 2019 г. по делу N 8Г-2026/2019[88-1633/2019] // СПС «Гарант» (дата обращения: 11.01.2022).

*Тверской государственный
университет
Барменкова Ярослава Алексеевна
e-mail: yabarmrnkova@edu.tversu.
ru*

*Tver State University
Barmenkova Yaroslava Alekseevna
e-mail: yabarmrnkova@edu.tversu.
ru*

Бueva Алина Сергеевна

*Центральный филиал Российского государственного
университета правосудия, г. Воронеж*

**ПОЗНАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ
ДОКАЗЫВАНИЯ – ФАКТОР ОБЪЕКТИВНОГО
И ВСЕСТОРОННЕГО РАССМОТРЕНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА**

Bueva Alina Sergeyevna

Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh

**KNOWLEDGE OF PARTICULAR ASPECTS OF
THE EVIDENCE IS A FACTOR IN THE OBJECTIVE
AND COMPREHENSIVE EXAMINATION
OF A CIVIL CASE**

Аннотация: В данной статье рассматриваются некоторые спорные аспекты института доказывания в гражданском процессуальном праве. Объектом исследования является законность доказательств при рассмотрении и разрешении гражданских дел в судах общей юрисдикции Российской Федерации. В статье также поднимается проблема незавершенности законодательства в области доказывания в гражданском процессе.

Annotation: This article examines some controversial aspects of the institute of proof in civil procedure law. The object of the research is the legitimacy of evidence in consideration and resolution of civil cases in the courts of general jurisdiction of the Russian Federation. The article also raises the problem of incomplete legislation in the field of proof in civil proceedings.

Ключевые слова: гражданский процесс, доказательство, доказывание, средства доказывание, стороны судопроизводства, принцип состязательности.

Key words: civil procedure, evidence, proof, means of proof, parties to proceedings, adversarial principle.

На современном этапе развития доказательственного права в гражданском процессе происходит укрепление принципов состязательного судопроизводства, в том числе в результате совершенствования и реформирования процессуального законодательства. Важно также отметить процессы интеграции правового регулирования доказательств, которые в настоящее время происходят между различными отраслями права. Такая интеграция открывает различные возможности для совершенствования законодательства, исследования различных научных работ в этой области, таких ученых как О.А. Герасимова,¹ Н.Н. Белоусова,² В.Г. Голубцов,³ Е.С. Дворецкая⁴ и многих других. Несмотря на имеющиеся научные труды, многие вопросы до сих пор остаются нерешенными, имеются пробелы в действующем гражданском процессуальном праве, что в совокупности определяет актуальность настоящего исследования. Мы попытались проанализировать вопрос о месте доказывания в системе гражданского процессуального права, определить понятие этого термина, установить значение косвенных доказательств и особенности оценки доказательств.

Понятие доказывания не закреплено законодательно, и поэтому находится в исключительной компетенции ученых. В научной литературе нет единого мнения по этому вопросу. Если проанализировать существующие позиции, то можно выделить два основных подхода к процессу доказывания в теории. В.М. Семенов, К.С. Юдельсон, М.К. Треушников и др. рассматривают данный правовой аспект с точки зрения познавательной деятельности и считают, что доказывание – это процесс приобретения истинных знаний об обстоятельствах данного дела, который осуществляется в деятельности суда и лиц, участвующих в деле, с использованием средств, предусмотренных законом⁵. Таким образом, данный подход основан на определении юридической истины, достигаемой в судебном процессе, и объективной истины как истинного знания. На наш взгляд, такой подход не совсем верен. Иные правоведы, такие как С.В. Курылев, М.А. Гурвич, А.Ф. Клейнман полагают, что суть судебного познания и доказывания различна⁶. Доказывание интерпретируется ими как деятельность сторон и иных участников процесса, назначение которой состоит в обосновании истинности предъявленных тре-

бований или возражений; познание же рассматривается только как судебная деятельность, допускающая непосредственную форму восприятия, цель которой установление действительно существующего правового отношения.

Вопрос о месте доказательственного права в системе гражданского судопроизводства является предметом давней научной дискуссии. Ю.К. Осипов различает общие и специальные институты в гражданском процессуальном праве. По его словам, основанием для классификации норм гражданского процессуального права на отдельные институты является применение материального права на определенных стадиях процесса⁷. Данная позиция не раз становилась предметом критики. В частности, И.В. Решетникова отмечает, что доказывание не ограничивается материально-правовым спором, но и охватывает обоснование иных юридических фактов⁸. Все ученые цивилисты в этом вопросе сходятся в одном: когда они говорят о структуре доказательственного права как института гражданского процессуального права того или иного вида, они имеют в виду его как совокупность норм. Однако анализ норм, регулирующих доказывание, позволяет выявить структурные формы системы доказательственного права, что дает возможность поставить его на более высокую ступень в иерархии системы гражданского процессуального права. Существование доказательственного права как подотрасли права попыталась обосновать в науке гражданского процессуального права Т.В. Сахнова. Вопрос о месте доказательственного права в системе гражданского процессуального права специально ею не рассматривался, но предложение определить его место в ГПК показывает, что автор рассматривает доказательственное право как расширенную структурную единицу гражданского процессуального права⁹.

Мы не можем согласиться с мнением, что доказательственное право является подотраслью гражданского процесса, а также с отнесением доказательственного права к институту процессуального права, в том числе комплексному. Свод норм, регулирующих доказывание по гражданским делам, не может рассматриваться как подотрасль гражданского процессуального права, поскольку не отвечает требованиям, предъявляемым к подотрасли права. Доказательственное право нельзя рассматривать как

субинститут, поскольку субъекты доказывания применяют не только нормы процессуального права, но и нормы материально-го права для установления фактов по делу.

Существует также проблема косвенных доказательств как способа установления фактов по делу. Интересное исследование в этом отношении было проведено А.В. Сусариной¹⁰. По ее словам, анализ современной судебной практики показывает, что косвенные доказательства часто используются в гражданских спорах. В то же время автор приходит к выводу, что суды не единодушны в вопросе о возможности использования косвенных доказательств для установления фактов в гражданских делах. На наш взгляд, косвенные доказательства нельзя недооценивать по сравнению с прямыми доказательствами, поскольку, во-первых, прямые доказательства существования или отсутствия определенных фактов объективной реальности существуют не всегда, и, во-вторых, прямые доказательства могут состоять из противоречивых интерпретаций сторон. В некоторых случаях истинные обстоятельства дела могут быть установлены в основном или даже исключительно косвенными доказательствами. Полагая, что арбитражные суды полно и правильно установили обстоятельства дела, и отказывая в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в Судебной коллегии по коммерческим спорам Верховного суда РФ, судья Верховного суда согласился с тем, что "в данном случае имеется достаточная совокупность косвенных доказательств в подтверждение обстоятельств, характеризующих действия плательщика страховых взносов как недобросовестные, о чем в том числе свидетельствует отзыв ряда платежных поручений."¹¹.

Оценка доказательств является основой для принятия решения по делу, поскольку суд играет решающую роль в определении относимости, допустимости, достоверности и достаточности каждого доказательства. Оценка доказательств в соответствии с собственной совестью – это не только вопрос подчинения профессиональному правосознанию, но и морального самоконтроля, основанного на универсальных ценностях и истинах справедливости и порядочности. Конечно, важно, чтобы доказательства исходили из законного источника и соответствовали обстоятельствам конкретного дела, однако для того, чтобы повлиять на

оценку доказательств при вынесении решения по делу, необходимо представить лишь определенные доказательства, которые поставят под сомнение доказательства, представленные противоположной стороной.

Моя позиция доказывание, являясь институтом гражданского процессуального права, имманентно вплетено в контекст судопроизводства, судебной деятельности. При этом важно отметить, что данный вид деятельности, что подчеркивается разными научными школами, имеет свою специфику. Следует отметить, что нехватка комплексных исследований при векторной направленности «гражданский процесс-деятельность», не позволяет подчеркнуть, что судебная деятельность, облакаемая в процессуальную форму, предметна. Последняя включает взаимосвязи, функционирующие не только как «субъект-субъект», но и «субъект-объект». Это общая субстанция и для характеристики единства института доказывания и доказательств не только в гражданском процессе, но и цивилистическом процессе. В этой связи сегодняшние научные «вызовы», что субъектами доказывания являются стороны и третьи лица, а суд только оценивает результат деятельности участников процесса, сводится к ангажированности.

Таким образом, одним из ключевых институтов гражданского процесса является правовой институт доказывания, который используется для установления фактов, на основании которых суды устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, установление которых необходимо для правильного и законного разрешения гражданских дел. Данный правовой институт позволяет сторонам обосновать свою позицию перед судом, что демонстрирует и отражает принципы состязательности и равноправия сторон в гражданском процессе.

¹ Герасимова О.А. Раскрытие доказательств в гражданском процессе // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raskrytie-dokazatelstv-v-grazhdanskom-protsesse>.

² Белоусова Н.Н., Токарева О.С. Цель судебного доказывания в состязательном гражданском процессе // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 4. – С. 113–115.

³ Голубцов В.Г. Теория доказательств и цифровизация в гражданском судопроизводстве // Пермский юридический альманах. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-dokazatelstv-i-tsifrovizatsiya-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve>.

⁴ Дворецкая Е.С. Нетрадиционные доказательства и их применение в гражданском судопроизводстве // Наука и образование сегодня. – 2019. – № 2. – С. 71–72.

⁵ Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для вузов / И.В. Решетникова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 388 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-11601-4. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 23. – URL: <https://urait.ru/bcode/488704/p.23> (дата обращения: 27.01.2022).

⁶ Клейнман А. Ф. Новейшие течения в советской науке процессуально-го права / А. Ф. Клейнман. – М.: Изд-во Моск. ун – та, 1967. – 119 с.

⁷ Осипов Ю.К. Понятие институтов гражданского процессуального права // Правоведение. 1973. N 1. С. 57.

⁸ Решетникова И.В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. Екатеринбург, 1997. С. 101.

⁹ Сахнова Т.В. Регламентация доказательств и доказывания в гражданском процессе // Государство и право. 1993. N 7. С. 52–53.

¹⁰ Сусарина А.В. Проблемы использования косвенных доказательств в современном цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. N 6. С. 42–47.

¹¹ Определение ВС РФ от 09.10.2017 N 305-КГ17-14135 // СПС "КонсультантПлюс".

*Центральный филиал
Российского государственного
университета правосудия
Бueva Алина Сергеевна
E-mail: alinabueva@gmail.com*

*Central Branch of the Russian State
University of Justice
Bueva Alina Sergeevna
E-mail: alinabueva@gmail.com*

Гапоненко Дарья Владимировна

*Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь, г. Минск*

**ОПУБЛИКОВАНИЕ ТЕКСТОВ СУДЕБНЫХ АКТОВ
ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОТКРЫТЫХ
ИСТОЧНИКАХ**

Gaponenko Daria Vladimirovna

*National Center for Legislation and Legal Research
The Republic of Belarus, Minsk*

**PUBLICATION OF TEXTS OF JUDICIAL ACTS OF CIVIL
PROCEEDINGS OF THE REPUBLIC OF BELARUS
IN OPEN SOURCES**

Аннотация: В статье изучен вопрос опубликования текстов судебных актов гражданского судопроизводства как одна из форм реализации принципа гласности, приобретающего популярность в свете активного развития информационных технологий, внедряемых во все сферы жизнедеятельности. Особое внимание уделено вопросу терминологической составляющей категории «персональные данные», порядка и объема их исключения из публикуемых судебных актов, анализу субъектов, в отношении которых применяется данный механизм.

Annotation: The article examines the issue of publishing the texts of judicial acts of civil proceedings as one of the forms of implementation of the principle of publicity, which is gaining popularity in the light of the active development of information technologies introduced into all spheres of life. Special attention is paid to the issue of the terminological component of the category "personal data", the order and scope of their exclusion from published judicial acts, the analysis of subjects in respect of which this mechanism is applied.

Ключевые слова: *гласность гражданского судопроизводства, судебные акты, опубликование, персональные данные.*

Key words: *publicity of civil proceedings, judicial acts, publication, personal data.*

Обеспечение гласности и открытости гражданского судопроизводства в условиях активно развивающихся информационных технологий, внедряемых во все сферы жизнедеятельности, выступает важнейшим направлением совершенствования функционирования судебной системы Республики Беларусь. Информационная открытость судопроизводства, обеспечиваемая посредством реализации принципа гласности судебного разбирательства, способствует формированию «прозрачной» работы соответствующих органов, формируя доверительное отношение граждан к судебной форме защиты прав и законных интересов. При этом специфика принципа гласности судебного разбирательства заключена в соблюдении баланса между идеей открытости правосудия и тайной личной жизни, государственной и коммерческой тайной, вопросами защиты персональных данных участников судопроизводства и т.д.

Создание баланса между вышеназванными аспектами приобретает особую актуальность в свете внедрения информационных технологий в судопроизводство, в частности гражданского, посредством его технического обеспечения современным оборудованием, информационно-справочным обеспечением, а также разработкой, внедрением и обеспечением сопровождения специализированных программных комплексов по судопроизводству¹.

Одним из основополагающих элементов реализации принципа гласности в гражданском судопроизводстве следует признать опубликование (обнародование) судебных актов. При исследовании порядка размещения судебных актов для публичного ознакомления в открытых источниках, в частности в сети Интернет, наиболее актуальными представляются такие вопросы как объем публикуемого акта, а также потребность либо отсутствие потребности в исключении персональных данных.

Особый интерес в контексте исследуемого процесса представляет идея о необходимости обнародования (опубликования) судебных актов. Так, зарубежный опыт демонстрирует разрозненность подходов законодателя к решению анализируемого вопроса. В Бразилии все судебные решения в обязательном порядке подлежат публикации в журнале «Diario official da justice», в Германии размещение судебных актов в сети Интернет не обязательно, но возможно, при этом в Италии публикация судебных актов вовсе не принята².

В рамках данной работы изучению, не смотря на многоаспектность специфики процесса обнародования судебных актов, будет подвергнут вопрос исключения данных, позволяющих идентифицировать личность.

Касаясь терминологии, следует отметить, что анализируемый процесс в различных источниках может именоваться по-разному. В большинстве случаев используются такие термины как «деидентификация», «анонимизация», «псевдонимизация».

Так, согласно публикации NISTIR 8053 De-Identification of Personal Information, подготовленной National Institute of Standards and Technology (NIST) указанные термины трактуются следующим образом:

деидентификация (de-identification) – общее название любого процесса удаления связи между совокупностью идентифицирующих данных и субъектом данных;

анонимизация (anonymization) – действия, в результате которых удаляется связь между совокупностью идентифицирующих данных и субъектом данных;

псевдонимизация (pseudonymization) – особый случай обезличивания, при котором помимо удаления прямой связи с субъектом данных создается связь между конкретной совокупностью характеристик этого субъекта и одним или несколькими псевдонимами³.

Исходя из указанных определений для описания процесса исключения конкретных данных, идентифицирующих личность, из публикуемых судебных актов наиболее общим представляется термин «деидентификация».

При этом наряду с термином «деидентификация» (de-identification) имеет место «деперсонификация» (de-personification).

В.Н. Суздальцева в своем исследовании отмечает, что «деперсонализация» есть «наделение лиц, людей свойствами неживого»⁴, что, на наш взгляд, не отражает специфику процесса исключения данных, позволяющих идентифицировать, то есть установить лицо, которому они принадлежат.

В целом вопрос защиты персональных данных весьма актуален для Республики Беларусь, а необходимость ее правовой регламентации обусловила принятие Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон о защите персональных данных), сподвигнувшего соответствующих субъектов, в частности тех, деятельность которых сосредоточена в Интернет-пространстве, пересмотреть свои подходы к сбору, обработке и использованию персональных данных граждан.

Возвращаясь к исследуемому вопросу, следует отметить, что анализ положений данного Закона позволяет подчеркнуть содержательность применяемых в нем терминов. Так, процесс исключения персональных данных, не позволяющих идентифицировать конкретного субъекта, определен в нормах ст. 1 как «обезличивание персональных данных»⁵. Подобная формулировка присуща и зарубежным актам, к примеру положениям Закона Республики Казахстан от 21 мая 2013 г. № 94-V «О персональных данных и их защите»⁶, которая, на наш взгляд, всецело отражает специфику процесса и его цель, не порождая дискуссии относительно терминологической составляющей.

В целом вопрос потребности в обезличивании публикуемых судебных актов продолжает оставаться дискуссионным на протяжении продолжительного промежутка времени, имея как приверженцев, так и противников. Авторы, выступающие против процесса исключения персональных данных, обосновывают свою позицию тем, что указанная процедура искажает суть публикуемого акта, нарушая возможность получения достоверной информации по рассматриваемому делу. Представители противоположной позиции акцентируют внимание на важности анализируемого процесса в целях сохранения тайны личной жизни физических лиц, репутации юридических лиц и т.д.

Наряду с этим следует отметить, что сам термин «персональные данные» выступает комплексным. Согласно положениям ст.

1 Закона о защите персональных данных персональные данные определены как любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано на основании такой информации, а обезличивание персональных данных в свою очередь сформулировано в качестве действий, в результате которых становится невозможным без использования дополнительной информации определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту персональных данных. При этом в указанной статье наряду с персональными данными как термином более широким в отдельную категорию законодателем выделены специальные персональные данные, включающие в себя биометрические и генетические данные.

Анализ каждого из вышеназванных терминов в формулировках, закрепленных в тексте Закона о защите персональных данных, подтверждает факт нецелесообразности проведения данного процесса в отношении всех категорий персональных данных. Изложенная нами мысль обусловлена тем, что ряд выводов суда, влияющих на вынесенное решение, обоснован именно персональными данными лица, в отношении которого оно принято, такими как сведения, относящиеся к наследуемым либо приобретенным генетическим характеристикам человека, данные, касающиеся здоровья, привлечения к административной или уголовной ответственности и т.д. В связи с этим при исключении из публикуемого судебного акта персональных данных подобного порядка информация относительно причин, обосновывающих характер принятого судом решения, подлежит искажению, что ведет к неверной интерпретации его содержания.

При этом вовсе пренебрегать вопросами исключения персональных данных в контексте опубликования судебных актов считаем нецелесообразным, поскольку это станет нарушением принципа защиты частной жизни гражданина, поставив под угрозу безопасность участников процесса. В связи с чем обоснованным рассматриваем возможность легального закрепления конкретного перечня персональных данных, подлежащих исключению из текста публикуемого судебного акта, отсутствие которых не препятствует пониманию фактов, повлиявших на принятое итоговое решение суда.

Отдельный интерес представляет вопрос перечня субъектов, чьи персональные данные подлежат исключению из публикуемого судебного акта. В частности, коснемся «профессиональных» участников процесса, таких как судья, секретарь судебного заседания – помощник судьи, прокурор, адвокат и т.д. Согласно позиции законодателя Российской Федерации, отраженной в нормах ч. 3 ст. 15 Федерального закона № 262-ФЗ из публикуемых текстов судебных актов не подлежат исключению ... фамилии, имена и отчества ... секретаря судебного заседания, судьи (судей), рассматривавшего дело, а также прокурора, адвоката и представителя.

При этом следует подчеркнуть, что первоначально в данной статье речь идет об обеспечении безопасности участников судебного процесса, ввиду чего считаем обоснованным исключать персональные данные всех физических лиц, как сторон, так и «профессиональных деятелей», преследуя идею соответствия вышеназванной цели.

Наряду с этим ряд исследователей ведет речь о чрезмерном количестве исключенной информации, ведущем к искажению восприятия содержания публикуемого судебного акта. Так, например, по мнению О. В. Макарова «исключение присужденных денежных сумм в качестве компенсации морального вреда или судебных расходов делает невозможным полноценное изучение судебной практики по данной категории дел»⁷.

В контексте анализируемого вопроса Т. Иванова также отмечает, что «для большинства судебных решений по трудовым спорам при отсутствии указания на профессию, должность, специальность работника теряется правовой смысл и содержание опубликованного судебного решения, текст превращается из доступного источника правовой позиции суда по определенному делу в бессмысленный набор символов»⁸.

Подводя итог, следует отметить высокую значимость принципа гласности в цивилистическом процессе, в частности в контексте обнародования актов суда, с позиции реализации права граждан на свободный доступ к информации, в том числе в контексте работы судебных органов. Вопрос защиты персональных данных лиц, участвующих в цивилистическом процессе, выступает одним из своего рода ограничений в реализации принципа

гласности, многие аспекты правового регулирования которого в настоящее время положениями национального законодательства не регламентированы, в частности целесообразно, оценив специфику самого процесса, выработать единый подход относительно формулирования конкретного перечня персональных данных, подлежащих извлечению из публикуемого судебного акта. Более того, в целях обеспечения безопасности участников цивилистического процесса обоснованно подвергать исключению персональные данные всех участников процесса. При этом следует регламентировать порядок и объем извлекаемых данных из публикуемого акта с целью соблюдения баланса общественных и частных интересов, всеобщей информированностью граждан и безопасностью участников судопроизводства.

¹ Калинкович, В. Л. Актуальные вопросы использования информационно-коммуникационных технологий в деятельности судов [Электронный ресурс] / В. Л. Калинкович // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

² Решетникова, И. В. Размышляя о судопроизводстве. Избранное [Электронный ресурс] / И. В. Решетникова. – Москва: Издательство Статут, 2019. – 507 с.

³ National Institute of Standards and Technology Internal Report 8053 [Electronic resource]. – Access mode: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ir/2015/NIST.IR.8053.pdf>. – Date of request: 15.02.2022.

⁴ Суздальцева В.Н. Деиндивидуализация и деперсонализация в политическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2011. С. 151–158.

⁵ О защите персональных данных [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г., № 99-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

⁶ О персональных данных и их защите [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 21 мая 2013 г., № 94- V: в ред. закона от 30.12.2021 // ЭДИ-ЛЕТ. Информ.-правовая система нормативных правовых актов Респ. Казахстан.

⁷ Макаров, В. О. Проблемы опубликования решений судов в сети интернет / В. О. Макаров // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 5, Юриспруденция. – 2016. – № 1 (30). – С. 33.

⁸ Иванова, Т. Федеральный закон № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ»: трудовправовой аспект. Практика судов общей юрисдикции по индивидуальным трудовым спорам в свободном доступе / Т. Иванова // Трудовое право. – 2010. – № 7. – С. 39–52.

*Национальный центр
законодательства и правовых
исследований Республики
Беларусь
Гапоненко Дарья Владимировна
E-mail: darinagaponenko@mail.ru*

*National Center for Legislation
and Legal Research The Republic of
Belarus
Gaponenko Daria Vladimirovna
E-mail: darinagaponenko@mail.ru*

Гильманов Ранис Фаильевич

*Казанский филиал Российского государственного университета
правосудия, г. Казань*

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Gilmanov Ranis Failevich

Kazan branch of the Russian State University of Justice, Kazan

THE ESSENCE AND SIGNIFICANCE OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Аннотация: *О роли и деятельности суда по рассмотрению и разрешению в процессуальном порядке административно-правовых споров между гражданами, организациями и органами публичной власти в целях защиты прав, свобод и законных интересов частных лиц от нарушений со стороны органов публичной власти.*

Annotation: *On the role and activity of the court in considering and resolving administrative and legal disputes between citizens, organizations and public authorities in order to protect the rights, freedoms and legitimate interests of individuals from violations by public authorities.*

Ключевые слова: *суд, административное судопроизводство, публичные правоотношения.*

Key words: *court, administrative proceedings, public legal relations.*

Административное судопроизводство – термин специального правового содержания относится к процессуальному порядку, установленному законом для рассмотрения и разрешения дел, возникающих в связи с административными и другими публичными правоотношениями¹.

Административное судопроизводство в современных условиях в России можно рассматривать как элемент системы сдержек и противовесов в правовом государстве. В ходе этих процедур осуществляется контроль за соблюдением законности и правопорядка в сфере государственного управления, а также обеспечивается эффективность защиты конституционных прав и свобод граждан и организаций. Сравнительный правовой анализ норм Гражданского процессуального кодекса и норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации позволяет говорить о том, что КАС РФ детально регламентирует весь процесс рассмотрения и разрешения спора в рамках административного производства, устанавливает цели административного производства, принципы его реализации, детально регламентирует весь процесс от подачи заявления до вступления в силу решения суда, процедуры обжалования и исполнения решения суда, устанавливает законодательное определение специальных понятий. Однако существенным недостатком закона является сохранение двойственности нормативно-правового регулирования административного судопроизводства, поскольку продолжают действовать нормы Арбитражного процессуального кодекса о порядке рассмотрения в арбитражных судах дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений².

Дела по защите нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан, законных прав и интересов организаций, вытекающих из административных правоотношений и иных публичных правоотношений, которые различаются спецификой их возбуждения и рассмотрения, правоотношениями участников процессуальной деятельности и их требованиями, спецификой принятия по ним судебного решения, рассматриваются и решаются в порядке административного судопроизводства.

Сущность административной процедуры состоит в том, что суды, в порядке, установленном КАС РФ, рассматривают не только дела, возникающие из административных правоотношений, но и дела, вытекающие из конституционных и иных публичных правоотношений.

Административное судопроизводство имеет ряд специфических характеристик, которые отличают его от иных судопроизводств.

Процессуальные правоотношения в административном судопроизводстве регулируются нормами административного процессуального законодательства. Процессуальные правоотношения существуют только в рамках правового поля.

Обязательным участником административно-процессуальных правоотношений является суд, который руководит участниками процесса, руководит их действиями и при необходимости оказывает помощь (например, при запросе доказательств).

Деятельность суда носит исключительно властный характер. Суд и другие участники административно-процессуальных правоотношений своими действиями реализуют только существующие процессуальные и материальные нормы, но ни в коем случае не создают новых правовых норм.

Административно-процессуальные правоотношения характеризуются динамичным последовательным поэтапным развитием. Например, право на обращение в суд с кассационной жалобой (представлением) может возникнуть только в том случае, если иные средства обжалования судебного акта были исчерпаны до его вступления в силу (ч. 2 ст. 318 КоАП РФ)³.

Следующей особенностью административных процессуальных отношений является их направленность и согласованность. Все правовые отношения в системе взаимозависимы и взаимно обусловлены необходимостью принятия законного и обоснованного судебного решения.

Есть только два элемента правоотношений – суд, рассматривающий дело, и любой другой участник процесса. Стороны, заинтересованные лица, прокурор, государственные органы не имеют между собой процессуальных отношений. Административно-процессуальные правоотношения также характеризуются возможным разнонаправленным составом в рамках единого правоотношения.

Таким образом, сущность и значение административного судопроизводства состоит в том, что через закрепление на законодательном уровне определенной процедуры или последовательности действий при рассмотрении споров, вытекающих

из административных или иных публичных правоотношений, достигается соблюдение права на справедливое судебное разбирательство.

¹ Захарова Д. И. Административная юстиция и административное судопроизводство: вопросы соотношения // Мировой судья. – 2019. – № 4. – С. 8.

² Васильева Е. С., Нехайчик В. К. Концепция административного судопроизводства в механизме административно-правового воздействия // Административное и муниципальное право. – 2019. – № 10. – С. 38.

³ Ламонов, Е. В. Кодекс административного судопроизводства – процессуальная форма деятельности административных судов // Рос. юстиция. – 2017. – № 9. – С. 8.

*Казанский филиал Российского
государственного университета
правосудия
Гильманов Ранис Фаильевич
E-mail: ranis96@yandex.ru*

*Kazan branch of the Russian State
University of Justice
Gilmanov Ranis Failevich
E-mail: ranis96@yandex.ru*

Гончаров Даниил Михайлович, Лебедев Сергей Николаевич

ННГУ имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ
ПРИ ПРОВЕРКЕ ОБОСНОВАННОСТИ ЗАЯВЛЕНИЯ
О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ**

Goncharov Daniil Mikhailovich, Lebedev Sergey Nikolaevich

UNN named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod

**SOME QUESTIONS THAT ARISE WHEN VERIFYING
THE VALIDITY OF A STATEMENT ABOUT
THE FALSIFICATION OF EVIDENCE
IN THE ARBITRATION PROCESS**

Аннотация: *В статье проанализирована процедура проверки заявления о фальсификации и рассмотрены проблемы, возникающие при привлечении лиц, предоставивших доказательства к уголовной ответственности.*

Annotation: *The article analyzes the procedure for verifying the statement of falsification and considers the problems that arise when bringing persons who have provided evidence to criminal responsibility.*

Ключевые слова: *арбитражный процесс, доказательства, фальсификация, уголовная ответственность*

Key words: *Arbitration process, evidence, falsification, criminal liability*

Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» от 23.12.2021 №46¹ (далее – ППВС №46) впервые установило обязанность суда выносить частное определение, если по результатам проверки за-

явления о фальсификации доказательства факт фальсификации с достоверностью подтвержден либо опровергнут, и направлять копию такого определения в правоохранительные органы для решения вопроса о привлечении лица, представившего фальсифицированное доказательство, или лица, безосновательно заявившего о его фальсификации, к уголовной ответственности. Важно отметить, что Кодекс административного судопроизводства (ст. 200) и Гражданский процессуальный кодекс (ст. 226) уже давно предусматривали подобную обязанность суда.

Цель закрепления подобной обязанности суда понятна, Верховный Суд стремится таким образом усилить принципы добросовестности и правовой определённости, повысить авторитет суда. Хотя статистики представленных в арбитражные суды фальсифицированных доказательств не ведётся, из того, что арбитражные суды за 2020 год рассмотрели более 1,5 миллионов споров², а за тот же год к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 303 Уголовного кодекса РФ³ (далее – УК РФ) было привлечено всего 47 человек⁴ (причём в это число входят лица, привлечённые к уголовной ответственности за фальсификацию доказательств как в арбитражном процессе, так и в иных видах производства), можно сделать вывод о явной диспропорции этих показателей и значительном количестве случаев, когда лицо, представившее фальсифицированное доказательство, избегает уголовной ответственности. Такая ситуация способствовала представлению в суд большого количества подложных доказательств, так как лица, представлявшие такие доказательства, практически ничем не рисковали. Исходя из этого установление обязанности суда сообщать в правоохранительные органы о фактах фальсификации видится правильным и обоснованным шагом, способствующим повышению эффективности работы арбитражных судов, снижению числа латентных преступлений и пересмотров судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам.

Однако относительно самой процедуры установления факта фальсификации доказательства существует не мало вопросов, многие из которых препятствуют достижению поставленных Верховным Судом целей.

Заявление о фальсификации доказательств (ст. 161 Арбитражного процессуального кодекса РФ⁵ (далее – АПК РФ)) по-

даётся в письменной форме лицом, участвующим в деле, относительно конкретного доказательства, представленного другим лицом, участвующим в деле. Такие заявления должны быть мотивированы наличием признаков подложности доказательств. Постановление Пленума разъясняет, что арбитражному суду следует предупредить об уголовно-правовых последствиях как лицо, обратившееся с заявлением о фальсификации доказательства (ст. 306 УК РФ), так и лицо, представившее такое доказательство (ст. 303 УК РФ). Однако возможны случаи, когда виновными в совершении названных преступлений будут являться и доверитель, и представитель; и случаи, когда виновным будет только одно из названных лиц. Из этого вытекает вопрос: кого именно суд должен предупреждать об уголовной ответственности? Данный вопрос приобретает особое значение, если обратиться к абз.6 п.39 ППВС № 46, в котором говорится о том, что в случае, если факт фальсификации установлен или опровергнут, то суд направляет в правоохранительные органы копию вынесенного им частного определения для разрешения вопроса о привлечении лица, представившего фальсифицированное доказательство, или лица, безосновательно заявившего о его фальсификации, *предупрежденных об уголовной ответственности*, к данной ответственности. К тому же возможны ситуации, когда лицом виновным в фальсификации доказательств будет являться доверитель, который не принимает непосредственного участия в судебном заседании, и суд не имеет возможности исполнить обязанность по предупреждению об уголовной ответственности.

Ставить в укор законодателю также можно то, что он не включил подачу заявления о фальсификации в перечень специальных полномочий представителя, так как реализация представителем этого полномочия может повлечь за собой уголовно-правовые последствия для доверителя.

После подачи заявления о фальсификации и разъяснения судом уголовно-правовых последствий такого заявления суд может исключить оспариваемое доказательство с согласия лица, его представившего, из числа доказательств по делу, и если оспариваемое доказательство было исключено, то обоснованность поданного заявления не проверяется и факт фальсификации исключённого доказательства не устанавливается. С одной сто-

роны, подобное соответствует принципу процессуальной экономии времени и уберегает федеральный бюджет от лишних расходов, но, с другой стороны, преступление, предусмотренное ч.1 ст. 303 УК РФ, является окончанным с момента представления в суд фальсифицированного доказательства, и факт последующего отказа от него никак не влияет на уголовно-правовую квалификацию совершённого деяния, но так как при отказе от доказательства суд не может установить факт фальсификации, то и сообщать в правоохранительные органы ему не о чем, т.е. лицо, совершившее названное преступление, имеет возможность избежать уголовной ответственности, отзывав подложное доказательство до начала проверки обоснованности заявления о фальсификации. Наличие такого рода возможности приводит к тому, что лица, участвующие в деле, могут представлять в суд подложные доказательства в любых количествах и без каких-либо последствий отказываться от них в тех случаях, когда в судебном заседании встаёт вопрос о фальсификации этих доказательств.

Обозначенную выше проблему могло бы разрешить примечание ст. 303 УК РФ, которое бы предусматривало освобождение от уголовной ответственности в случае отзыва представленного в суд подложного доказательства до проверки заявления о фальсификации такого доказательства.

Также проблемной является сама формулировка ч.1 ст. 303 УК РФ, которая предусматривает ответственность за «Фальсификацию доказательств по гражданскому, административному делу ... а равно фальсификацию доказательств по делу об административном правонарушении ...», т.е. фальсификация доказательств в уголовно-правовом смысле возможна только в рамках возбуждённого гражданского, административного дела или дела об административном правонарушении, что исключает привлечение к уголовной ответственности, например, в случае представления подложного доказательства для подтверждения уважительности причин пропуска срока апелляционного/кассационного обжалования.

Спорной видится формулировка абз.3 п. 39 ППВС № 46: «не подлежит рассмотрению заявление о фальсификации, которое заявлено в отношении доказательств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу, а также если оно подано в отношении

документа, подложность которого, по мнению суда, не повлияет на исход дела в связи с наличием в материалах дела иных доказательств, позволяющих установить фактические обстоятельства». В данном случае мотивы суда не рассматривать заявление о фальсификации такого рода доказательств понятны – деятельность суда в первую очередь направлена на правильное и своевременное разрешение дела. Однако на суд также возложена обязанность способствовать укреплению законности, правопорядка, уважительного отношения к суду и способствовать предупреждению правонарушений, что, как нам кажется, вступает в противоречие с тем, что суд может оставить без внимания деяние, которое вполне может оказаться преступлением против правосудия, что в свою очередь благоприятствует дальнейшему совершению таких преступлений.

При этом формулировка данного абзаца содержит неочевидную проблему: Верховный Суд предлагает судам решать вопрос о достаточности и достоверности имеющихся в деле доказательств до удаления в совещательную комнату. Возможна ситуация, когда суд отказывает в рассмотрении заявления, удаляется в совещательную комнату для вынесения решения и обнаруживает, что одна часть доказательств является не относимыми, а другая недостоверными. В итоге, в деле остаётся только доказательство, вопрос о фальсификации которого поднимался в судебном разбирательстве. И суд вынужден принимать решение, основываясь на таком доказательстве.

Нужно не забывать, что суд, устанавливая факт фальсификации, обращает внимание на признаки подложности доказательств, выразившиеся в подделке *формы* доказательства: изготовление документа специально для представления его в суд (например, несоответствие времени изготовления документа указанным в нем датам) либо внесение в уже существующий документ исправлений или дополнений (например, подделка подписей в документе, внесение в него дополнительного текста). При этом в рамках ст. 161 АПК РФ не подлежат рассмотрению заявления о фальсификации касающиеся недостоверности доказательств. Иными словами, суд уполномочен устанавливать факт фальсификации только путём проверки формы доказательства, но не его содержания.

При проверке обоснованности заявления о фальсификации суд свободен в выборе способов проверки, законодатель не даёт исчерпывающего перечня таковых, называя лишь назначение экспертизы, истребование других доказательств и иные меры. Хотя законодатель прямо не закрепляет за каким-либо субъектом арбитражного процесса обязанность по доказыванию факта фальсификации, из смысла ст. 161 АПК РФ и её официального толкования вытекает, что такая обязанность возложена на суд, соответственно в случае назначения судом экспертизы, которая часто является единственным возможным способом установить наличие или отсутствие факта фальсификации, расходы на её проведение будут покрываться за счёт федерального бюджета. Правильным было бы закрепить назначение экспертизы с целью установления факта фальсификации в ст. 82 АПК РФ в качестве обязанности, а не права суда.

Подводя итоги нашего исследования, можно сказать, что введение Верховным Судом обязанности судов сообщать в правоохранительные органы о фактах фальсификации доказательств в арбитражном процессе видится верным шагом, направленным на усиление принципов добросовестности и правовой определённости, на повышение авторитета суда, оптимизацию его работы благодаря уменьшению числа представляемых в суд подложных доказательств. Печальным является тот факт, что Верховный Суд обратил своё внимание на эту проблему лишь в конце прошедшего года в то время, как она существовала с момента принятия АПК РФ. Также вызывает большое количество вопросов сама процедура установления факта фальсификации доказательств. Лицо, представившее подложное доказательство, имеет возможность избежать уголовной ответственности, если:

- 1) оно не было предупреждено об уголовной ответственности;
- 2) отозвало подложное доказательство до начала проверки обоснованности заявления о фальсификации;
- 3) суд не рассмотрел заявление о фальсификации;
- 4) фальсифицированное доказательство было представлено в суд вне рамок возбуждённого гражданского, административного дела или дела об административном правонарушении.

Проблемы также касаются санкции ч.1 ст.303 УК РФ, которая является чрезмерно мягкой, что в купе с наличием большого количество возможностей избежать ответственности, приводит к тому, что лица, участвующие в деле, пользуются несовершенством закона и представляют в суд подложные доказательства без риска наступления негативных последствий. Но стоит заметить, что нововведения декабря 2021 года ещё не успели проявить себя и повлиять на судебную практику, что не позволяет дать однозначный ответ об эффективности данных преобразований. Хочется верить, что описанные в этой статье теоретические проблемы не возникнут или будут оперативно решены на практике, а цели, поставленные перед собой Верховным Судом, будут достигнуты.

¹ О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 N 46// Российская газета. – 2021. – № 7.

² Оперативный отчет о работе всех арбитражных судов Российской Федерации за 2020 год// URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5670>

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021)// Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – ст. 2954.

⁴ Судебная статистика РФ: Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК URL: <http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>

⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022)// Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – ст. 3012.

*ННГУ имени Н. И. Лобачевского
Гончаров Даниил Михайлович
E-mail: josefbletter@mail.ru*

*UNN named after N. I. Lobachevsky
Goncharov Daniil Mikhailovich
E-mail: josefbletter@mail.ru*

*Лебедев Сергей Николаевич
E-mail: serginho-bestlebedev.1999@
yandex.ru*

*Lebedev Sergey Nikolaevich
E-mail: serginho-bestlebedev.1999@
yandex.ru*

Дроздов Павел Павлович

Тверской государственной университет, г. Тверь

**ГРУППОВЫЕ ИСКИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Drozдов Pavel Pavlovich

Tver State University, Tver

**CLASS ACTIONS IN CIVIL PROCEEDINGS: PROBLEMS
AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT**

Аннотация: *На данный момент, как в законодательстве, так и в правоприменительной практике существует ряд проблем, требующих особого внимания и решения.*

Annotation: *At the moment, both in legislation and in law enforcement practice, there are a number of problems that require special attention and solutions.*

Ключевые слова: *групповые иски, проблемы, перспективы развития.*

Key words: *class actions, problems, development prospects.*

С учетом изменений, внесенных в Гражданский процессуальный кодекс РФ¹, групповой иск становится одним из наиболее перспективных правовых инструментов. Однако данный институт не нашел широкого применения в судебной практике. Так, по данным на 25.09.2021 статистики Судебного департамента при Верховном суде РФ в судах общей юрисдикции было рассмотрено всего 22 гражданских дела по групповым искам, что составляет менее 0,004% от общего количества дел, рассмотренных за 2019-2021 гг.

Определение понятия «групповой иск» не закреплено в законодательстве Российской Федерации, но, если обратиться к доктрине – можно встретить множество вариантов как широкого, так и узкого толкования данного термина. Например, под

© Дроздов П. П., 2022

групповым иском подразумевается обращенное к суду требование участника многочисленной группы лиц, уполномоченного государственного органа, юридического или физического лица о принятии судебного решения по гражданскому делу в отношении многочисленной группы лиц². В.В. Ярков считает, что групповой иск – это процессуальный институт, который позволяет защищать интересы большой группы лиц, персональный состав которой неизвестен на момент возбуждения дела, одному или нескольким из участников этой группы без специального получения на то полномочий со стороны всех входящих в нее лиц³. На наш взгляд, наиболее точной и логичной является позиция В.В. Яркова, который трактует понятие группового иска в широком смысле.

При исследовании понятия группового иска необходимо обратить внимание на то, как соотносятся понятия группового иска и соучастия, в частности анализ соотношения в трудах ученых-процессуалистов. Некоторые авторы ставят знак равенства между групповым иском и соучастием. Например, Батаева Н.С. определяет групповые иски как «соучастие в чистом виде»⁴. Другие авторы разграничивают два этих понятия⁵. Безусловно, они имеют схожесть в том, что как представитель при соучастии, так и представитель при групповом иске является участником группы, поэтому выступает в роли и материального, и процессуального истца. Отличие процессуального соучастия от института группового иска заключается в следующем: в групповом иске должно быть указано лицо, которому поручено ведение соответствующего гражданского дела в интересах группы лиц, а при процессуальном соучастии каждый истец подает исковое заявление самостоятельно; в случае подачи группового иска минимальное число участников группы в гражданском процессе должно быть не менее двадцати, а при процессуальном соучастии законодатель не устанавливает минимальный предел соучастников; при процессуальном соучастии решение по делу выносится в отношении каждого соистца или соответчика, при групповом иске – общее судебное постановление, которое распространяется на всех членов группы. Несмотря на схожесть, институты процессуального соучастия и группового иска имеют большее число отличительных признаков, что говорит о том, что они являются самостоятельными институтами процессуального права.

Стоит отметить, что институт групповых исков, закрепившись в гражданском процессуальном законодательстве приобрел и ряд проблем в правоприменительной практике. Несмотря на то, что авторы проекта Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ в пояснительной записке указали, что аналогичный институт успешно применяется в течение ряда лет в арбитражном процессе, опыт применения групповых исков в арбитражном процессе нельзя признать успешным по справедливому мнению некоторых исследователей. Так, например, В. В. Долгачев, указывая на очевидную недостаточность законодательной проработки правовых норм, посвященных условиям возбуждения производства по групповому иску, отмечает, что практика арбитражных судов показывает, что институт группового иска в арбитражном процессе не работает⁷. Аналогичные проблемы постигли данный институт и в гражданском процессе.

Во-первых, согласно ст. 244.22 ГПК РФ лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, действует от имени всей группы без доверенности и пользуется всеми процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца, в том числе обязанность по уплате судебных расходов. Однако законодательно полностью не решен вопрос о его полномочиях при распорядительных действиях, а также о единоличном влиянии на материальную сторону иска в части изменения предмета или основания иска, увеличения или уменьшения исковых требований, отказа от иска. Возможным решением данной проблемы может стать внесение изменений в ч.1 ст. 244.22 ГПК РФ, дополнив его положениями об объеме распорядительных действий, о возможности изменять предмет, основания иска, уменьшать или увеличивать размер исковых требований, а также о возможности с согласия группы лиц отказаться от иска, признать его или заключить мировое соглашение от имени всей группы лиц, тем самым сделав его практически единоличным истцом, опирающимся на интересы группы лиц, которую он представляет, руководствуясь принципом добросовестности, разумности, справедливости и законности.

Во-вторых, проблемой является отсутствие в кодексе четких указаний относительно того, каким критериям должно отвечать СМИ, в котором может быть опубликовано предложение о при-

соединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц. Данная проблема нашла свое отражение в Определении Егорьевского городского суда Московской области от 28 мая 2020 г. по делу № 2-729/2020⁸ и привела к оставлению без рассмотрения искового заявления о возмещении ущерба за нарушение природоохранного законодательства. Интернет-издание, в котором было опубликовано предложение о присоединении к иску, по мнению суда, рассчитано на ограниченный круг лиц. Данный факт подтвердился отсутствием присоединившихся к иску жителей Егорьевска и неосведомленностью о существовании такого дела, имеющего общественный резонанс, местных властей. Во избежание массового повторения таких случаев в дальнейшем необходимо, по нашему мнению, уточнить требования к СМИ, в котором может быть опубликовано предложение о присоединении к коллективному иску.

В-третьих, присоединение членов группы лиц к иску после принятия его судом к производству влечет увеличение цены иска, поэтому существует вероятность передачи коллективного иска по подсудности в другой суд. Так, при рассмотрении иска к ООО «Фем фаталь рус» (первого группового иска в Российской Федерации)⁹. В защиту прав группы потребителей, купивших косметику, изначальная цена иска составляла менее 100 тыс. руб., в связи с чем он по действующим правилам подсудности (п. 5 ч. 1 ст. 23 ГПК РФ) был подан мировому судье. В ходе процесса в результате присоединения к иску новых лиц размер исковых требований превысил данное пороговое значение в 100 тыс. руб., и дело было передано в районный суд, и его рассмотрение, соответственно, началось с начала, что существенно увеличило сроки разбирательства. Поэтому возможным решением данной проблемы было бы закрепление подсудности вне зависимости от размера требований. Например, можно внести изменения в ст. 244.20 ГПК РФ, закрепив районный суд, как инстанцию, которой подсудна данная категория дел вне зависимости от размера требований.

Юридическое сообщество еще до законодательного закрепления групповых исков было уверено в том, что данная категория исков не станет очень популярной, основываясь на данных практики арбитражных судов. И все же введение соответствующего института в гражданский процесс юристы расценивают

как очень важный шаг, поскольку преимущества коллективного иска в ряде случаев неоспоримы. Массовость требований влечет за собой широкий общественный резонанс, повышая репутационные риски компании-ответчика и, как следствие, растет вероятность заключения мирового соглашения, удовлетворяющего все стороны. Также коллективный иск позволяет группе таких лиц объединиться, договорившись о распределении расходов: ст. 244.27 ГПК РФ предусматривает возможность заключения нотариально удостоверенного соглашения о порядке несения расходов между лицами, присоединившимися к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц. Так, интересен групповой иск в Симоновском районном суде города Москвы к АО «Почта России» по делу № 02-2438/2021¹⁰. Суть иска состоит в том, что с марта по август 2020 года граждане столкнулись с серьезными нарушениями сроков доставки международных почтовых отправлений (МПО) через «Почту России». Стоит отметить, что в рамках этого иска граждане впервые в России заключили соглашение о несении судебных расходов по групповому иску¹¹.

В целом можно заключить, что внесенные изменения в целом несут положительный характер, а необходимость дальнейшего развития данного вида производства уже можно оценить непопулярностью данного института ввиду неполноты законодательного урегулирования определенного перечня. По нашему мнению, стоит внести изменения в ст. 46 ГПК РФ, дополнив ее пунктом о возможности «применения правил, предусмотренных главой 22.3 ГПК РФ, если это не противоречит правилам настоящей статьи и существу обращения в защиту прав, свобод и интересов других лиц». Аналогично следует изменить ст. 244.28 ГПК РФ предоставив возможность лицам, не успевшим присоединиться к групповому иску с момента его подачи до вынесения решения, право на повторное объединение в группу и подачу повторного группового иска, что сохранит преюдициальность, при этом позволит упростить процедуру принятия решений и продолжит тенденцию по ускорению судопроизводства. Также необходимо закрепить подсудность данного вида исков вне зависимости от размера требований на уровне районного суда и определить объем распорядительных действий представителя группы лиц, внося соответствующие изменения в ГПК РФ.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // Собр. законодательства РФ. – 05.12.1994 – N 32.

² Лебедев М.Ю. Гражданский процесс: учебник для вузов. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020. – 446 с.

³ Ярков В.В. Групповой иск в проекте единого ГПК России // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 8. – С. 110.

⁴ Батаева Н.С. Необходимо ввести институт группового иска // Российская юстиция. 1998. № 10. С. 44.

⁵ Машукова Т. А. Коллективный иск и процессуальное соучастие в административном судопроизводстве // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 3. – С. 26.

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 18 июля 2019 N 191-ФЗ // «Российская газета». – 2019. – № 158.

⁷ Долганичев В. В. Процессуальные особенности возбуждения и подготовки дел в групповом производстве: сравнительно-правовой аспект: дис.... канд. юрид. наук./ Долганичев Владимир Вениаминович. – Екатеринбург, 2015. – 28 с.

⁸ Определение Егорьевского городского суда Московской области от 28 мая 2020 года № 2-729/2020 // Сайт Егорьевского городского суда Московской области. URL: https://egorievsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=239443058&delo_id=1540005&new=&text_number=1 (дата обращения 24.09.2021).

⁹ В России подан первый коллективный иск по новым правилам // Ведомости // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/10/09/813267-kollektivnii-isk> (дата обращения: 24.09.2021).

¹⁰ Определение Симоновского районного суда гор. Москвы от 23 апреля 2021 года № 02-2438/2021 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/simonovskij/services/cases/civil/details/66223fb1-8623-11eb-81cb-4f22e605e359> (дата обращения 24.09.2021).

¹¹ Началось рассмотрение первого группового иска с соглашением о расходах // Право-ру. URL: <https://pravo.ru/news/230344/> (дата обращения 24.09.2021).

*Тверской государственный
университет
Дроздов Павел Павлович
E-mail: pdrozdov-sts@mail.ru*

*Tver State University
Drozдов Pavel Pavlovich
E-mail: pdrozdov-sts@mail.ru*

Дружинина Дарья Александровна

Саратовская государственная юридическая академия

Сватухина Татьяна Александровна

Институт Прокуратуры, г. Саратов

**К ВОПРОСУ О ПРАВОМЕРНОСТИ ОТНЕСЕНИЯ ДЕЛ
О ПОМЕЩЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В СПЕЦИАЛЬНЫЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ
УЧРЕЖДЕНИЯ ЗАКРЫТОГО ТИПА К ДЕЛАМ
АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Daria Alexandrovna Druzhinina

Saratov State Law Academy

Tatyana Alexandrovna Svatuhina

Institute of Public Prosecutor's Office, Saratov

**ON THE QUESTION OF THE LEGALITY OF
THE ASSIGNMENT OF CASES ON PLACEMENT
OF MINORS IN SPECIAL EDUCATIONAL
INSTITUTIONS OF A CLOSED TYPE TO CASES
OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS**

Аннотация: в статье исследуются недостатки правового регулирования помещения несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, и поднимается вопрос о правомерности отнесения данной категории дел к делам административного судопроизводства. Проводится оценка законопроекта Верховного суда о внесении изменения в КАС РФ и Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», анализируются спорные положения и выявляются его недостатки. Делается заключение о результатах принятия данного законопроекта.

Abstract: *The article examines the shortcomings of the legal regulation of the placement of minors in special educational institutions of a closed type and raises the question of the legality of attributing this category of cases to administrative proceedings. The draft law of the Supreme Court on amendments to the CAS of the Russian Federation and the Federal Law "On the basics of the system of prevention of neglect and legal violations of minors" is evaluated, controversial provisions are analyzed and its shortcomings are revealed. A conclusion is made on the results of the adoption of this bill.*

Ключевые слова: *несовершеннолетний, специальное учебно-воспитательное учреждение, административное судопроизводство, законопроект, правовое регулирование.*

Key words: *minor, special educational institution, administrative proceedings, legislation, legal regulation.*

25 декабря 2018 г. Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление № 51¹, в котором предложил внести изменения в КАС РФ и Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Согласно законопроекту в КАС РФ должны появиться две новые главы, посвященные производству по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, а также с пребыванием несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа. В законопроекте фиксируются требования к административному исковому заявлению и прилагаемым к нему документам, сроки рассмотрения дела, порядок проведения судебного слушания в открытом или закрытом режиме, назначения представителя для несовершеннолетнего в случае его отсутствия; предусмотрено обязательное участие в деле прокурора. В законопроекте обозначены обстоятельства, подлежащие выяснению судом; требования к порядку вынесения и обжалования судебного решения. Так, создатели законопроекта преследуют цель исключить параллельное нормативное регулирование.

В настоящее время данная мера воспитательного воздействия регламентируется Федеральным законом от 24 июня 1999

года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и ст. 92 УК РФ², 432 УПК РФ³. На основании этих норм в СУВУЗТ могут быть помещены несовершеннолетние в возрасте от одиннадцати до восемнадцати лет, нуждающиеся в особых условиях воспитания, обучения и требующие специального педагогического подхода в случаях, если они: не подлежат уголовной ответственности в связи с тем, что к моменту совершения общественно опасного деяния не достигли возраста, с которого наступает уголовная ответственность; достигли возраста, с которого наступает уголовная ответственность, и не подлежат привлечению к ней в связи с тем, что вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия); осуждены за совершение преступления средней тяжести или тяжкого преступления и освобождены судом от наказания в связи с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, применяемым в качестве принудительной меры воспитательного характера. Межотраслевое правовое регулирование не позволяет определить конкретный вид производства для данной категории дел. Кроме того, установленные ст. 15 ФЗ №120 и ч. 3-8 ст. 432 УПК РФ⁴ правила рассмотрения одних и тех же вопросов, возникающих в период нахождения воспитанников в СУВУЗТ (продление, прекращение или восстановление срока пребывания, перевод в другое учреждение), не совпадают. В уголовно-процессуальном законодательстве они представлены более детально: перечислены обязательные участники судебного заседания (осужденный, его родители или законные представители, адвокат, прокурор, представители СУВУЗТ и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав по месту нахождения указанного учреждения); определена последовательность исследования судом материалов в судебном заседании; содержится требование об обязательном оглашении вынесенного постановления; установлен 5-дневный срок направления копии такого постановления заинтересованным лицам и органам. В ч. 7 ст. 15 ФЗ-№ 120, где закреплена

аналогичная судебная процедура, об адвокате и прокуроре не упоминается, упущены и другие ее элементы (порядок исследования материалов и заслушивания участников, сроки и адреса направления, принятого судом решения). Для устранения нестабильного правового регулирования и был разработан анализируемый нами законопроект.

Но почему Верховный суд РФ относит данную категорию дел к административному судопроизводству? Важно напомнить, что административное судопроизводство основано на том, что в нем рассматриваются и разрешаются споры граждан, организаций с органами власти, основной функцией административного судопроизводства является судебный контроль за органами власти. При осуществлении административного судопроизводства суды проверяют на соответствие закону решения, акты, действия других органов власти, в отличие от гражданского и арбитражного процесса. В административном судопроизводстве это, с одной стороны, гражданин, организация, права которых нарушены, а с другой – орган государственной власти, орган местного самоуправления или должностное лицо. Это вертикальные правоотношения, для которых свойственна схема отношений «власти – подчинения». В таких правоотношениях слабой стороной является гражданин, поскольку нередко его интересы нарушаются именно органами государственной власти или их должностными лицами. Целью и основным назначением административного судопроизводства является защита прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц от незаконных действий, решений со стороны органов публичной администрации. Посредством административного судопроизводства осуществляется эффективная защита от государственного произвола и от противоправных решений, действий или бездействия органов исполнительной власти⁵. В делах рассматриваемой категории с одной стороны, просматривается функция судебного контроля за законностью действий государственных органов и органов местного самоуправления по помещению несовершеннолетнего правонарушителя в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, с другой стороны фактически ответчиком в делах данной категории выступает несовершеннолетний и его законные представители. Очень спорно положение

о том, что в качестве административного ответчика по административному иску, поданному прокурором или должностным лицом органа внутренних дел, может выступать несовершеннолетний ребенок от 11 до 18 лет⁶. В результате в случае принятия нового закона будет усматриваться нарушение баланса частных и публичных интересов, а также нарушение принципа равенства между стороной административного истца – представителем органа государственной власти, и стороной административного ответчика в лице ребенка и его законных представителей. Кроме того, процесс доказывания не будет отвечать правилам административного судопроизводства, в котором бремя доказывания, как правило, возлагается на орган публичной власти, то есть на административного ответчика, а гражданин освобождается от обязанности доказывать противоправность, незаконность обжалуемого акта (решения, действия, бездействия). Видимо, по изложенным причинам persona административного ответчика в законопроекте прямо не обозначена.

В законопроекте непоследовательно решен вопрос привлечения в судебное разбирательство комиссий по делам несовершеннолетних. Так, Ильгова Е.В., Спесивов Н.В. и Борисова В.Ф. отмечают, что у суда должно присутствовать право привлечения комиссий по делам несовершеннолетних в процесс в качестве заинтересованного лица не только в случае помещения ребенка в центр временного содержания, но и в СУВУЗТ по причине возложения на них обязанности по рассмотрению материалов для принятия решения о возбуждении перед судом ходатайства о помещении ребенка в СУВУЗТ. Остается неопределенными и формы участия прокурора в делах данной категории. Таким образом, отнесение дел о помещении несовершеннолетних в СУВУЗТ к делам административного судопроизводства, следует считать неоправданным. По своей правовой природе, эти дела не отвечают признакам административного судопроизводства в полной мере. На наш взгляд, изучаемая категория дел должна рассматриваться с применением ювенальных технологий, а в идеале специализированными ювенальными судами, о создании которых давно идет речь.

Следует согласиться, с некоторыми авторами в том, что у создателей законопроекта не получилось избежать «двойного»

правового регулирования помещения несовершеннолетних в специальное учреждение. Принятие нового закона даст другой результат: сохранится «тройное» правовое регулирование. Сама возможность и основания помещения несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы за совершение преступлений средней тяжести и тяжких преступлений, предусматриваются уголовным законом (ч. 2 ст. 92 УК РФ); порядок принятия судебного решения устанавливается уголовно-процессуальным законом (ч. 2 ст. 432 УПК РФ); вопросы, связанные с пребыванием несовершеннолетнего осужденного в специальном учреждении (досрочное прекращение, продление, восстановление срока пребывания, перевод в другое учреждение), будут регламентироваться КАС РФ⁷.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 51 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». URL: http://www.vsrif.ru/press_center/news/27504/ (дата обращения: 20.11.2021).

² Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996 г. № 25, ст. 2954.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Российская газета. 2001. № 249.

⁴ Там же.

⁵ Мартынов А.В. Понятие и сущность административного судопроизводства в Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 273–281.

⁶ Ильгова Е.В., Борисова В.Ф., Спесивов Н.В. Проблемы правового регулирования участия комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в рассмотрении судами дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 4 (81). С. 60–66.

⁷ Николюк В.В. Направление осужденных несовершеннолетних в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: смена парадигмы законодательной конструкции // Правосудие. Том 1. № 2. 2019. С. 206–224.

Саратовская государственная
юридическая академия
Дарья Александровна Дружинина
e-mail: druzhininada17@yandex.ru

Saratov State Law Academy
Institute of Public
Daria Alexandrovna Druzhinina
e-mail: druzhininada17@yandex.ru

Институт Прокуратуры
Татьяна Александровна
Сватухина
e-mail: viber230@yandex.ru

Prosecutor's Office
Tatyana Alexandrovna Svatuhina
e-mail: viber230@yandex.ru

Дудукина Ксения Сергеевна

*Центральный филиал Российского государственного университета
правосудия, г. Воронеж*

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ
ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ
ПРОЦЕССЕ**

Dudukina Ksenia Sergeevna

Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh

**SOME ASPECTS OF EVIDENCE FALSIFICATION
IN THE CONTEXT OF THE APPLICATION OF DIGITAL
TECHNOLOGIES IN THE CIVILISTIC PROCESS**

Аннотация: научная работа содержит основные положения о происходящем процессе цифровизации в аспекте судебной деятельности. Раскрывается понятие электронного доказательства и иные смежные с ним термины. В статье содержатся положения о проблемных вопросах происходящей цифровизации судебной деятельности в целом, а также применительно к представлению доказательств в период технологического прогресса, в частности в отношении их фальсификации.

Annotation: The scientific work contains the main provisions on the ongoing process of digitalization in the aspect of judicial activity. The concept of electronic evidence and other related terms are disclosed. The article contains provisions on the problematic issues of the ongoing digitalization of judicial activities in general, as well as in relation to the presentation of evidence in a period of technological progress, in particular in relation to their falsification.

Ключевые слова: цифровизация, доказательства, судебный процесс, судебное доказывание, фальсификация.

Key words: *digitalization, proof, trial, proceeding, judicial proof, falsification.*

В настоящее время в России идет бурное развитие новых технологий, носящих информационный характер, что отражается и на работе судебных органов. В частности, 30 декабря 2021 г. Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который продолжил тенденцию на развитие электронного правосудия.

Конституция Российской Федерации (далее – РФ), закрепляет право человека защищать свои права любыми способами, которые не противоречили бы действующему законодательству РФ¹. Одним из распространенных, закрепленных в Конституции способов защиты нарушенных прав является их судебная защита. Конституционный суд РФ в своем Постановлении №37-П от 16.07.2020 года пояснил, что защита и восстановление нарушенных прав может быть эффективна и по своей сути реализуема только в случае, если для этого созданы подходящие условия². Так, в целях соблюдения положений, озвученных Конституционным судом РФ, работа судебной системы претерпевает изменения, в частности, создаются государственные автоматизированные информационные системы, такие как, ГАС «Правосудие», действующая в судах общей юрисдикции, «Кадр-арбитр», благодаря которой у участников процесса появилась возможность подавать документы в Арбитражный суд посредством информационно-коммуникационной сети «Интернет» и другие. Федеральный закон №440, закрепил возможность подачи искового заявления, жалобы либо иных документов в электронном виде посредством государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». В связи с вышесказанным, право на судебную защиту в настоящее время обосновано можно отнести к категории цифровых прав.

На сегодняшний день, имеется ряд проблем относительно качества правосудия в целом. В частности, данные проблемы связаны со сроками судопроизводства, недостаточной информированностью граждан о деятельности судебной системы, неудов-

летворительной работой судов, неэффективным исполнением судебных актов, отсутствием необходимых условий для осуществления правосудия и так далее³. В связи с чем, представляется, что необходимо скорейшее внедрение в судебную систему современных информационно-коммуникационных технологий, позволяющих сформировать инновационный подход к их развитию, а также улучшить качество и сроки осуществления правосудия и, как следствие, обеспечить эффективное исполнение судебных решений».

Утвержденная Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы» (далее – Программа) направлена на создание мобильного и электронного правосудия, формированию электронных дел, электронного архива документов. Данное нововведение позволяет осуществлять эффективную работу судов, а также обеспечивает равный доступ граждан к правосудию.

Интересным представляются следующие направления развития, отраженные в Программе:

Создание «облачного» программного обеспечения в целях автоматизации делопроизводства. Данное нововведение призвано существенно сократить затраты на поддержку программного обеспечения.

Развитие «мобильного правосудия», что позволит расширить возможности использования мобильных устройств в контексте доступа к информационным технологиям, что непосредственно связано с созданием «облачных хранилищ», обозначенных выше. Как следствие, данное нововведение предполагает создание и развитие мобильных офисов судей с применением видеоконференцсвязи в целях обеспечения возможности проведения выездных заседаний, что позволит сделать правосудие более открытым и доступным. Представляется, что данное обстоятельство является наиболее значимым, поскольку довольно актуально для географически удаленных населенных пунктов страны.

Термин «электронное правосудие» также предусмотрен Программой и представляет собой комплекс правовых отношений, обеспечивающих открытость и доступность для всех субъектов информации о деятельности судов, а также использование информационных технологий на всех этапах судебного процесса.

Говоря о цифровизации в судопроизводстве, необходимо вести речь как об инструменте, ускоряющим и упрощающим его процесс. Цифровизация правосудия упрощает процесс общения между его участниками, ускоряет процесс подачи документов.

Цифровизацию судопроизводства можно рассматривать с одной стороны, как возможность подачи документов в суд посредством информационных систем, посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», ведение судебного процесса посредством видеоконференцсвязи или веб-конференции, оглашение результатов разбирательства путем обнародования в информационных системах, на сайтах судов. С другой стороны, цифровизация – это электронное общение между судами в целом и судьями в частности, автоматизированное распределение дел между ними, электронный документооборот.

Важной частью является отлаживание механизма видеоконференцсвязи, веб-конференции, который, по нашему мнению, пока находится на недостаточно развитом уровне, поскольку зачастую случаются технические сбои, погрешности в связи и прочее.

Несмотря на то, что в судебной деятельности информатизация только начинает набирать обороты, технический прогресс уже давно не стоит на месте. Разработано множество программ, позволяющим вносить изменения в аудиовидеозаписи, редактировать подписи в документах на электронном носителе и так далее. Поскольку в судебном процессе все эти средства доказывания широко применимы, необходимо понимать, что недобросовестная сторона может представить суду сфальсифицированные доказательства. В связи с чем, электронные доказательства всегда должны подтверждаться копией документа на бумажном носителе, заверенной нотариально. Ни одна переписка, сделанная путем скриншота с экрана мобильного телефона не может быть признана достоверным и допустимым доказательством, пока не будет заверена у нотариуса. Ввиду таких обстоятельств, закономерно возникает вопрос о целесообразности введения такого понятия, как электронное доказательство.

Одни ученые сводятся к точке зрения о том, что данное понятие может существовать, поскольку такие доказательства по своей характеристике не схоже с письменными или веществен-

ными. Это доказательства, которые облечены в цифровую или аудио форму⁴.

Другая часть ученых считает, что выделять отдельный вид доказательств не целесообразно, поскольку письменные документы включают и электронные, так как они также могут быть представлены в виде какого-либо документа с информацией, представленной в электронной форме, однако, при этом, заверенная нотариусом в соответствующем порядке копия документа также должна быть представлена суду⁵. В связи с данным обстоятельством, считаем целесообразным дальнейшее совершенствование законодательства в сфере, сопряженной с использованием информационных технологий.

Говоря о возможной фальсификации доказательств, в аспекте развития и широкого применения информационных технологий в судах, следует отметить тот факт, что, как указывалось выше, подача документов может осуществляться посредством автоматизированных систем, а само судебное разбирательство проходить посредством видеоконференцсвязи. Данный процесс, по нашему мнению, предполагает полную цифровизацию судебного разбирательства. В соответствии со ст. 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, письменные доказательства представляются в подлиннике или в форме надлежащим образом заверенной копии.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации №10 от 23.04.2019 года (далее – ПП ВС РФ №10), подтверждает право участников судебного разбирательства использовать электронные доказательства, в том числе, признает допустимым доказательством распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения⁶. Однако, пункт 55 данного ПП ВС РФ указывает на то, что такое доказательство должно быть заверено в установленном законодательством порядке. В этом случае, электронное доказательство будет исследоваться судом наравне с остальными.

На данном этапе исследования возникает закономерный вопрос, возможна ли реализация электронного правосудия в полной мере. Ранее, мы говорили о возможности подачи документов

через государственную автоматизированную систему, а также упоминалось о возможности в настоящее время вести судебное заседание посредством видеоконференцсвязи, что предполагает, на наш взгляд, полную цифровизацию судебного процесса, без вызова сторон и лиц, участвующих в деле, в суд. Однако, в связи с требованиями об обязательном заверении электронных доказательств, такая возможность не может быть реализована в полной мере, поскольку даже при подаче в суд заверенной нотариально копии электронного доказательства, другая сторона имеет все основания заявить о фальсификации и обратиться в суд с соответствующим заявлением, что непременно затянет судебный процесс.

Цифровизация гражданского судопроизводства отражена также в ПП ВС РФ №57 от 26.12.2017 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов». В частности, в пункте 20 говорится о наличии у судьи права предложить сторонам осуществить подачу документов в электронном виде⁷. Однако, в пункте 22 указанного ПП ВС РФ, снова прослеживается оговорка о том, что суд вправе в ходе подготовки дела к судебному разбирательству или в ходе судебного разбирательства по делу в целях собирания (обеспечения) доказательств незамедлительно провести осмотр копий страниц электронных доказательств. Таким образом, к электронным доказательствам, наряду и с доказательствами, представленными на бумажном носителе, применим одинаковый процессуальный порядок. Таким образом, несмотря на бурное развитие электронных технологий, в частности усовершенствование электронного судебного процесса, прослеживается ряд противоречий и недоработок. Требуется повышение уровня оснащенности техническими средствами всех судов в целях доступности технологий и ведение процесса судебного разбирательства из удаленных местностей.

Цифровизация является неотъемлемой частью жизни современного человека, поскольку охватывает все сферы его жизни. Судебная защита является гарантией прав человека, без развития в данной области, невозможно говорить о техническом прогрессе в целом. Важной составляющей является правовое

регулирование данной области, являющееся условием для функционирования судебной системы в целом, которое в настоящее время также требует существенных доработок.

¹ Конституция Российской Федерации [Текст]: принята всенародным голосованием 12.12.1993: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения 08.02.2022)

² Постановление Конституционного суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина К.В. Бударина» от 16.07.2020 № 37-П [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочные правовые системы: Судебная практика. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 08.02.2022).

³ Постановление правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 года № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы» [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс : справочные правовые системы : Судебная практика. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 11.02.2022).

⁴ Шахова А.М. Цифровизация в гражданском процессе: проблемы доказывания [Текст] / А.М. Шахова // Юридическая наука. 2020. № 7. С. 32–34.

⁵ Шахова А.М. Цифровизация в гражданском процессе: проблемы доказывания [Текст] / А.М. Шахова // Юридическая наука. 2020. № 7. С. 32–34.

⁶ Постановление Пленума Высшего Верховного суда Российской Федерации «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23.04.2017 № 10 – Режим доступа: www.consultant.ru (дата обращения 07.02.2022).

⁷ Постановление Пленума Высшего Верховного суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» от 26.12.2017 № 57 – Режим доступа: www.consultant.ru (дата обращения 07.02.2022).

*Центральный филиал
Российского государственного
университета правосудия
Дудукина Ксения Сергеевна
e-mail: ksurkova98@gmail.com*

*Central Branch of the Russian State
University of Justice
Dudukina Ksenia Sergeevna
e-mail: ksurkova98@gmail.com*

Киямова Диана Валерьевна

*Казанский филиал Российского государственного
университета правосудия, г. Казань*

**ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ
ПРАВОСУДИЯ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ**

Kiyamova Diana Valeryevna

Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan

**PROBLEMS OF ENSURING ACCESS OF JUSTICE:
GENERAL PROVISIONS**

Аннотация: *Статья посвящена концепции доступности правосудия, воззрений, которые формировались относительно проблем обеспечения доступного правосудия. Автором оценивается влияние практики Европейского суда по правам человека, а также отечественное и международно-правовое регулирование обеспечения доступности правосудия.*

Annotation: *The article is devoted to the concept of access to justice, he views that have been formed regarding the problems of ensuring accessible justice. The impact of the practice of the European Court of Human Rights, as well as domestic and international legal regulation of the accessibility of justice.*

Ключевые слова: *доступность правосудия, судебные органы, справедливое публичное разбирательство, идея справедливого суда.*

Key words: *access to justice, judicial bodies, fair public proceedings, the idea of a fair trial.*

Проблемы обеспечения доступности правосудия обсуждаются в научных кругах достаточно продолжительное время, и даже в настоящее время они сохраняют свою актуальность.

Одной из основных задач функционирования государства является необходимость создания такого судебного процесса,

способного обеспечить в равной степени правовую защиту каждому. Только при реализации указанной задачи субъекты гражданских правоотношений будут воспринимать судебные органы в качестве органов государственной власти, способствующих сохранению общего благосостояния населения в целом и гражданских прав каждого в отдельности.

В связи с чем особую актуальность и в настоящее время имеет справедливое замечание И.Е. Энгельмана, отметившего, что: «правосудие есть основа государства, цель деятельности которого – обеспечение блага граждан»¹.

Деятельность судебных органов обусловлена необходимостью конкретизации абстрактных правовых норм с целью их применения к частным случаям². Соответственно, роль судьи сводится к роли посредника между законом установленными нормами и населением, необходимого потому, что законом установленные нормы не могут применяться сами по себе. Справедливо в данном случае звучит и выражение Е.В. Васьяковского: «Устами судей гласит закон»³.

В этой связи стоит согласиться и с Т.Н. Нешатаевой, которая считает, что роль судей невозможно свести лишь к формальному посредничеству между реализацией закона и населением, так как судья, при вынесении судебных актов по каждому конкретному делу, всегда должен руководствоваться нормами морали – это и милосердие, и справедливость, и добросовестность, а не исключительно нормами права⁴.

Таким образом, обеспечение конституционного права каждого на судебную защиту, регламентированного статьей 46 Конституции Российской Федерации⁵, будет невозможна, если правосудие останется недоступным.

Говоря о современных правовых реалиях, необходимо рассматривать вопрос развития обеспечения доступности правосудия как на национальном уровне законодательного урегулирования, так и на международном. Так, активное обсуждение проблем обеспечения доступности правосудия в нашем государстве стали обсуждаться с момента вступления России в Совет Европы, а также с ратификацией Конвенции о защите прав и основных свобод человека⁶. В частности, с ратификацией Российская Федерация приняла на себя ряд международно-правовых

обязательств, в том числе и связанные с положениями статьи 6 указанной Конвенции. Указанная норма предусматривает право каждого на справедливое публичное разбирательство в разумные сроки с помощью независимого и беспристрастного суда, созданного на основании закона, при определении соответствующих гражданских прав.

Кроме того, наше государство признало юрисдикцию наднационального судебного органа – Европейского суда по правам человека, решения которого являются обязательными к исполнению и соблюдению странами, являющимися участниками Конвенции. Соответственно, решения, принятые указанным судом, являются обязательными и носят прецедентный характер.

Таким образом, правовые позиции Европейского суда по правам человека, в том числе касающиеся вопросов обеспечения доступности правосудия, являются фундаментом, на котором необходимо строить работу и в области совершенствования отечественного процессуального законодательства, и в области формирования адекватной правоприменительной (судебной) практики.

Вместе с тем, считается недопустимым рассматривать вопрос обеспечения доступности правосудия как проистекающую в основном именно из исполнения взятых на себя государством международно-правовых обязательств несмотря на то, что это важно. Данный вопрос вытекает, прежде всего, именно из потребностей социума, потому, как нет такой социальной группы в стране, которая не была бы заинтересована в доступности, справедливости и эффективности правосудия.

Одной из немногих идей, которые объединяют все слои социума, является идея существования правого и справедливого суда⁷. В связи с чем и судебная реформа произошла гораздо раньше присоединения Российской Федерации к Конвенции. Особо значимыми результатами указанной реформы стало формирование независимости судебной власти и нового процессуального законодательства, которые создали возможность для каждого, ищущего судебную защиту, реальную возможность ее получения.

Необходимо понимать, что проблема обеспечения доступности правосудия является достаточно многоаспектной, имеющая

и судоустройственную, и финансовую, и организационную, а также процессуальную стороны. Так, доступность правосудия не ограничивается, например, вопросами кадрового обеспечения судебных аппаратов, она включает в себя и наличие системы квалифицированной юридической помощи, уровень образования среди населения, в том числе и юридического.

Несмотря на ряд очевидных позитивных изменений, остался ряд проблем в обеспечении доступности правосудия. Так, Т.Н. Нешатаева справедливо отмечает, что формирование истинной судебной процедуры является сложным процессом⁸. Основную сложность вызывает даже не законодательное закрепление принципов деятельности судебных органов, а психологическое и мировоззренческое отношение к этой деятельности как самих представителей судебной власти, так и населения в целом.

Если рассматривать судебный процесс, в частности, то здесь следует иметь в виду, что препятствия в получении судебной защиты могут возникать не только в ходе обращения в суд, но и в ходе судебного разбирательства. Так, указанные препятствия целесообразно подразделять как на те, что возникают при возбуждении гражданских дел, так и на те, что возникают уже в процессе его продолжения, в том числе и при обжаловании.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, для решения проблем обеспечения доступности правосудия требуется разработанный системный подход к анализу соответствующих процессуальных норм и институтов, поиск новых способов решения указанных проблем, а также обновление имеющихся представлений о процессуальных механизмах устранения препятствий в получении судебной защиты.

¹ Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. – Юрьев, 1912. – 632 с.

² Фурсов Д.А., Харламова И.В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Том первый: Теория и практика организации правосудия. – М.: Статут, 2009. – 524 с.

³ Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. – М., 2003. – 429 с.

⁴ Нешатаева Т.Н. К вопросу об источниках права – судебном прецеденте и доктрине // Вестник ВАС РФ. – 2000. – № 5. – С. 106–111.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/>, свободный. Дата обращения: (30.11.2021)

⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с Протоколом [№ 1] (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 20. – Ст. 2143. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/, свободный. Дата обращения: (30.11.2021)

⁷ Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / кол. авторов; под. ред. д.ю.н. Т.Г. Морщаковой. – Москва: Мысль, 2012. – 584 с.

⁸ Нешатаева Т.Н. Надзорное производство: соблюдение принципа справедливого разбирательства дела и принципа баланса публичных и частных интересов // Вестник ВАС РФ. – 2001. – № 7. – С. 122–127.

*Казанский филиал Российского
государственного университета
правосудия
Диана Валерьевна Киямова
e-mail: dini1997@mail.ru*

*Kazan Branch of the Russian State
University of Justice
Diana Valeryevna Kiyamova
e-mail: dini1997@mail.ru*

Колодкина Антонина Васильевна

*Казанский филиал Российского государственного университета
правосудия, г. Казань*

РАССМОТРЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ В СУДЕ

Kolodkina Antonina Vasilievna

Kazan branch of the Russian State University of Justice, Kazan

CONSIDERATION OF INDIVIDUAL LABOR DISPUTES IN THE COURT

Аннотация: *в статье раскрываются условия и причины индивидуальных трудовых споров, рассматриваются особенности рассмотрения данных споров в суде. Анализируется порядок рассмотрения судом дел об увольнении.*

Abstract: *the article reveals the conditions and causes of individual labor disputes, discusses the specifics of the consideration of these disputes in court. The order of consideration of dismissal cases by the court is analyzed.*

Ключевые слова: *индивидуальный трудовой спор, причины и условия возникновения, сроки, увольнение.*

Key words: *individual labor dispute, causes and conditions of occurrence, terms, dismissal.*

Индивидуальный трудовой спор – это ситуация, в которой подчиненный и руководитель имеют принципиально разные позиции по вопросам следования трудовым и коллективным договорам, а также нормам Трудового кодекса Российской Федерации¹. Индивидуальные трудовые споры возникают между сторонами, связанными рабочими отношениями, а также сотрудником и руководителем, между которыми этих отношений уже нет².

Условия и причины индивидуальных трудовых споров тесно связаны между собой. Понятие индивидуального трудового спора включает в себя оба этих фактора. Их нельзя разделить, и трудовые споры могут возникнуть только из-за причин и условий в совокупности.

Если говорить об условиях появления конфликтных ситуаций, здесь стоит отметить обстановку или ряд определенных обстоятельств, пагубно влияющих на отношения между сторонами и вызывающих трудовые споры. Условия часто являются негативными факторами, вызывающими споры по одним и тем же темам или существенно обостряющими существующее положение дел. Отметим, что, если причин нет, из-за одних лишь условий трудовые споры возникнуть не могут. Условия и превращаются в определенные причины в споре. Нередко трудовые споры вызывают несколько условий в совокупности³.

Условия делят на:

- экономические (к примеру, финансовые трудности компании, препятствующие своевременным выплатам сотрудникам);
- социальные (возникновение существенных отличий в размере дохода сотрудников, получающих низкие и высокие оклады);
- правовые (плохое знание сотрудниками обязанностей и прав, неспособность защитить себя; всё это возникает из-за недостаточно верного восприятия Трудового кодекса Российской Федерации подчиненными и начальством).

Причины, по которым появляются трудовые споры, – это юридические факты, вызвавшие непонимание между руководством и сотрудником (сотрудниками) компании⁴.

Индивидуальные трудовые споры возникают вследствие разных причин:

- 1) Объективные причины. Факторы, связанные с отношениями наемного труда, отношениями собственности и так далее. Разногласия между сторонами возникают из-за того, что, к примеру, работодатель не выдает подчиненным заработную плату в связи с затруднительным экономическим положением фирмы, отсутствием финансов на счету предприятия, что, безусловно, нарушает права трудящихся.

2) Субъективные причины – это необъективные факторы. Здесь речь идет по большей части о недостатках и ошибках в работе определенных субъектов⁵.

В процессуальном порядке могут рассматриваться все возможные разногласия, связанные с оформленными трудовыми отношениями.

У сотрудников предприятий есть возможность потребовать разрешения индивидуальных трудовых споров в суде, подав иск. Суды рассматривают также индивидуальные трудовые споры граждан, выполняющих обязанности по трудовому договору у начальников – физических лиц без оформления как индивидуального предпринимателя, а также сотрудников компаний религиозного характера.

В действующем законодательстве используемый порядок подсудности указывается в статье 392 Трудового кодекса Российской Федерации. Здесь указываются и актуальные сроки для обращения.

Рассмотрим уважительные причины пропусков сроков, на основании которых суды предоставляют заявителям возможность вновь обратиться в инстанции, чтобы разрешить индивидуальные трудовые споры⁶.

В пункте 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 г. №2 сказано, что уважительные причины пропусков – это те, что мешают гражданину вовремя подать в суд иск о разрешении спора.

Уважительные причины – это когда истец:

- заболел;
- пребывает в командировке;
- не имеет возможности обращения в суд из-за влияния непреодолимой силы;
- обязан ухаживать за тяжелобольными родственниками⁷.

При этом инвалидность, по мнению судебных органов, не является уважительной причиной.

Положения статьи 393 Трудового кодекса Российской Федерации гласят, если требования в иске связаны с трудовыми взаимоотношениями, гражданин не обязан платить пошлину и нести судебные расходы.

В соответствии со статьей 394 Трудового кодекса Российской Федерации, если суд признает увольнение или перевод на другое место работы неправомерным, сотрудника должны восстановить в ранее занимаемой им должности⁸.

На основании судебного решения при этом гражданин получает:

- выплату средней заработной платы за весь период вынужденной нетрудоспособности;
- разницу в заработной плате за весь период выполнения менее оплачиваемой работы⁹.

По заявлению сотрудника суд может решить взыскать эти выплаты в пользу гражданина, права которого ущемлены, и не предпринимать больше никаких мер. Если суд признает увольнение неправомерным, то на основании заявления гражданина может решить поменять формулировку увольнения по указанной ранее причине на увольнение по собственному желанию.

Если формулировку причины и основания увольнения суд признает неверной или противоречащей законодательству, то меняет её, указывая в вынесенном решении новую формулировку, в соответствии с нормами Трудового кодекса Российской Федерации или иного федерального закона и ссылкой на определенную часть, пункт статьи Трудового кодекса Российской Федерации или другого федерального закона. Если в ситуациях, которые затрагивает данная статья, суд признает незаконность увольнения и предписывает не восстановить сотрудника, а переформулировать основания увольнения, меняются дата увольнения и дата вынесения судом соответствующего решения.

Если к тому времени, когда суд вынес решение, сотрудник, продолжая оспаривать увольнение, уже начал работать в другой организации и у другого руководителя, дату увольнения меняют на число, предшествующее дню, когда гражданин начал работать у данного руководителя¹⁰.

Если из-за неправильной формулировки причины или основания увольнения, занесенной в трудовую книжку, гражданин не смог трудоустроиться на другое предприятие, суд обязывает компанию выплатить ему среднюю заработную плату за период вынужденной нетрудоспособности. В данном случае говорится об увольнении:

- без законной основы;
- с нарушениями установленных правил;
- о незаконном переводе на другое место работы¹¹.

Если сотрудник предъявит соответствующее требование, судебный орган может взыскать в его пользу финансовую компенсацию за моральный вред. Сумму выплаты определяет суд.

По статье 396 Трудового кодекса Российской Федерации необходимо немедленно выполнять решения о восстановлении на прежнем рабочем месте:

- сотрудника, уволенного не по закону;
- специалиста, которого незаконно перевели на другое место работы.

Если работодатель не исполняет решение или затягивает процесс, подчиненному, в соответствии с судебным решением, выплачивается средняя заработная плата или разница в окладе за весь период задержки¹².

Из сказанного следует, что рассмотрение индивидуальных трудовых споров в суде имеет свои особенности. При этом судебная защита трудовых прав работников представляется наиболее эффективным способом защиты.

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. №197-ФЗ (ред. от 22.11.2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 07.01.2002. – №1 (ч. 1). – Ст. 3.

² Сафирова А.А. Особенности судебного рассмотрения и разрешения индивидуальных трудовых споров // Современная научная мысль. – 2015. – №3. – С. 133.

³ Щуко Л.П. Справочник по трудовому законодательству для работника и работодателя: справочник. – М.: Герда, 2013. – С. 146.

⁴ Щуко Л.П. Указ. соч. – С. 147.

⁵ Рыжкова И.Д. Индивидуальные трудовые споры: учеб. пособие. Тамбов: Изд. Р.В. Першина, 2016. – С. 12.

⁶ Тхабисимов Х.А. Индивидуальные трудовые споры: правовые основы и порядок их разрешения // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – №12. – С. 154.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 г. №2 (ред. от 24.11.2015 г.) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – №3. – март, 2007.

⁸ Власов В.И., Крапивин О.М. Трудовой кодекс Российской Федерации о рассмотрении индивидуальных трудовых споров // Гражданин и право. – 2017. – №1. – С. 42.

⁹ Там же. – С. 44.

¹⁰ Тхабисимов Х.А. Указ. соч. – С. 154.

¹¹ Власов В.И., Крапивин О.М. Указ. соч. – С. 44.

¹² Выговская И.Г., Колобова С.В., Королькова О.С. и др. Трудовое право России: учебник / под общ. ред. М.В. Преснякова, С.Е. Чаннова. – Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, 2014. – С. 105.

<i>Казанский филиал Российского государственного университета правосудия</i>	<i>Kazan branch of the Russian State University of Justice</i>
<i>Колодкина Антонина Васильевна</i>	<i>Kolodkina Antonina Vasilievna</i>
<i>E-mail: antonina_kolodkina@mail. ru</i>	<i>E-mail: antonina_kolodkina@mail. ru</i>

Коновалова Анастасия Юрьевна

Российская школа частного права, г. Москва

ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕКВАЛИФИКАЦИИ ИСКОВ СУДОМ

Konovalova Anastasia Yurievna

Russian School of Private Law, Moscow

CONSEQUENCES OF THE RE-QUALIFICATION OF CLAIMS BY THE COURT

Аннотация: возможность изменения квалификации исков судом может обладать как позитивным, так и негативным эффектом для сторон процесса. В связи с этим необходимо понимать, какие последствия могут возникнуть при переквалификации исков судом, и обозначить границы последней.

Abstract: possibility of reclassification of actions by court may both positively and negatively affect the parties. In this regard, it is necessary to understand what consequences may arise from such reclassification and to outline the limits of the latter.

Ключевые слова: переквалификация исков судом; принцип состязательности; принцип диспозитивности.

Key words: reclassification of actions by court; adversarial principle; party-disposition principle.

В России господствует принцип фактической индивидуализации иска, который и обосновывает возможность изменения квалификации иска судом. В частности, это можно вывести из норм¹ о том, что суд самостоятельно определяет применимые нормы права (даже несмотря на наличие в арбитражном процессе требования к истцам указывать нормы права, на которых основан иск²).

В этом выражается принцип *jura novit curia*, характерный и для других стран континентального права, например, Герма-

нии³, Австрии⁴, где нет необходимости указывать в исковом заявлении ссылки на конкретные нормы закона – по сравнению, например, с Англией⁵, где правовое основание иска является его необходимой частью⁶. Это является одним из проявлений того, как в разных странах выражается состязательность процесса: странам континентального права характерен уклон в сторону следственности в силу активной роли суда, тогда как в странах общего права процесс традиционно считается истинно состязательным вследствие высокой степени его профессиональности⁷. Однако, несмотря на признание в отечественном судопроизводстве уклона в сторону следственности, необходимо стремиться к обеспечению конкуренции участвующих в деле лиц. Поэтому крайне важным представляется вопрос о соблюдении пределов переквалификации исков судами, поскольку иное может повлечь неблагоприятные последствия для сторон.

В качестве основных последствий судебного изменения квалификации иска можно выделить изменение срока исковой давности; изменение предмета доказывания; изменение последствий, связанных с удовлетворением того или иного иска.

Изменение исковой давности

При переквалификации иска судом по новому иску срок исковой давности может оказаться уже истекшим и, соответственно, новые требования истца не смогут быть удовлетворены.⁸ Например, в Постановлении Первого арбитражного апелляционного суда от 19.09.2012 по делу N А79-11747/2011 суд переквалифицировал иск о признании права собственности по приобретательной давности в иск об оспаривании зарегистрированного права, по которому принял ссылку ответчика на истечение срока исковой давности и отказал в удовлетворении иска.

С другой стороны, переквалификация иска судом может сыграть для истца положительную роль в ситуации, если по первоначальному иску исковая давность уже истекла, а по новому – нет. Следовательно, при переквалификации иска судом истец может оказаться как в выигрышном, так и в проигрышном положении относительно вопроса истечения исковой давности.

Изменение предмета доказывания

Изменение предмета доказывания может влечь негативные последствия в первую очередь для ответчика, ведь он может ока-

заться лишенным возможности предоставить новые доказательства в обоснование своих возражений. В подобной ситуации все будет зависеть от того, в какой момент суд принял решение о необходимости изменения квалификации иска и сообщил ли он об этом сторонам. В ст. 133 АПК РФ, ст. 148 ГПК РФ, а также в ряде Постановлений Пленума ВС и ВАС РФ указывается, что вопрос о нормах, применимых при разрешении того или иного дела, разрешается судом на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, что представляется вполне справедливым.

Однако суд зачастую не сообщает сторонам о своем взгляде на то, какие исковые требования было бы правильно заявить, и данный вопрос окончательно решается уже при принятии решения судом⁹. Учитывая, что возражения ответчика напрямую зависят от требований истца, подобная ситуация может поставить его в положение, когда у него просто нет какой-либо возможности опровергнуть переквалифицированный иск¹⁰.

Так, Постановлением Четвертого арбитражного апелляционного суда от 17.05.2012 г. №А19-15375/2011 суд отменил решение суда первой инстанции, который отказался признать право собственности истца на газопровод в силу приобретательной давности, придя к выводу, что право собственности истца все же возникло вследствие приватизации государственного имущества. При этом суд не переходил на рассмотрение дела по правилам суда первой инстанции, по сути изменил основание иска, о чем истцом заявлено не было, тем самым ограничив права ответчика на предоставление доказательств в основание его возражений по новому иску, который не был рассмотрен по существу. Сославшись на это, суд кассационной инстанции отменил данное постановление, оставив в силе решение суда первой инстанции и указав, что разрешение вопроса из какого правоотношения возник спор и какие нормы права подлежат применению при разрешении дела, относится к компетенции суда первой инстанции¹¹.

Здесь также затрагивается проблема выхода судом за рамки изменения правовой квалификации иска, влекущее изменение предмета или основание иска, что недопустимо, так как это является прерогативой истца. Пределы переквалификации иска судом должны заключаться в «невозможности изменять требова-

ние истца с точки зрения фактов»¹². Судебной практикой также подтверждается, что правильная квалификация судом правоотношений сторон не является изменением предмета или основания иска¹³.

Таким образом, суд не вправе путем переквалификации иска как изменить его основание или предмет, так и допустить игнорирование права ответчика предоставить доказательства в возражение.

Изменение последствий удовлетворения того или иного иска

Истец, заявляющий те или иные исковые требования, желает достижения именно тех правовых последствий, которые с ними связаны, поэтому изменение квалификации иска судом может быть негативно воспринято истцом, имеющим право на самостоятельный выбор средства правовой защиты.

Показательным в этой связи представляется дело, попавшее в Обзор судебной практики ВАС в 2008 г.¹⁴. В нем истец обратился в суд с виндикационным иском. Суд первой инстанции предложил истцу переквалифицировать его иск в требование о применении последствий недействительности ничтожной сделки путем реституции, но истец отказался, что повлекло отказ в удовлетворении иска в связи с выбором ненадлежащего способа защиты; данное решение было поддержано в кассационной инстанции. В результате отказа суд не оставил истцу иного выбора, чем смириться с этим, либо же обратиться в суд с новым иском о реституции, как того и хотел судья. При этом очевидно, что истцу было невыгодно заявлять требования о реституции – его интерес заявить именно о виндикации обоснован тем, что последняя влечет лишь односторонний возврат имущества в его пользу, тогда как реституция означала бы, что и сам истец обязан вернуть ответчику все денежные средства, полученные от него.

С другой стороны, рассматриваемый вопрос тесно граничит с проблемой злоупотребления правом – истец намеренно может предъявлять тот или иной иск для обхода императивных правил закона. В таком случае суд может констатировать обход закона истцом и отказать в защите его права¹⁵. Однако если злоупотребление истцом своими правами не будет установлено, то справедливым представляется подчинение возможности переква-

лификации иска судом необходимости запроса согласия истца, как это и было сделано в приведенном деле, а не «принудительная» переквалификация исков судами. Е.В. Васьковский писал, что «отступления от [принципа диспозитивности], если бы они и были сделаны в законе, не могут получить практического осуществления без воли заинтересованных лиц»¹⁶. Тем не менее, на настоящий момент подобное правило не закреплено в отечественном законодательстве, и на практике суды далеко не всегда предлагают уточнить свои исковые требования.

Переходя к выводам, при переквалификации исков судами важно достичь баланс между соблюдением принципов диспозитивности, состязательности и процессуальной экономии. Возможная схема развития событий при наличии необходимости переквалификации иска судом на настоящий момент выглядит следующим образом: во-первых, суд может просто отказать в иске, обрекая дело на затягивание, поскольку одни и те же лица будут вынуждены спорить по одним и тем же фактам, пока не угадают ожидаемую судьей правовую квалификацию¹⁷. С другой стороны, суд может указать на правильную квалификацию иска, но сделать это без учета мнения истца – и тогда последний может не достигнуть тех последствий, к которым он стремился, что нарушает принцип диспозитивности.

Исходя из судебной практики, суд также может переквалифицировать иск, не рассмотрев дело по новым требованиям по существу, вследствие чего ответчик рискует лишиться возможности заявить свои возражения, что будет нарушением принципа состязательности.

Оптимальным вариантом видится тот, где суд запрашивает согласие истца на переквалификацию иска. Тогда, если истец будет против, суд вероятно все же откажет в его иске ввиду неправильного выбора способа защиты – но его действия как минимум будут учитывать мнение истца и не нарушать принцип диспозитивности, хотя и истец тем самым обречет себя на проигрыш – но в этом заключается его собственный выбор¹⁸. А если истец согласится на изменение квалификации иска, то при этом важно обеспечить соблюдение прав ответчика путем предоставления достаточного количества времени на сбор необходимых доказательств для заявления его возражений по новому иску в суде. Тем

самым будет учтено мнение обеих сторон, что представляется наилучшим решением.

¹ Ст. 148, 196, 198 ГПК РФ; ст. 133, 168, 170 АПК РФ

² П. 5 ч. 2 ст. 125 АПК РФ.

³ § 253 ZPO. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/_253.html.

⁴ Heinz Barta, Leopold-Franzens. Zivilrecht: Grundriss und Einführung in das Rechtsdenken – Wien: WUV-Univ.-Verl., 2004. Kapitel 19 (von Peter G. Mayr). URL: https://www.uibk.ac.at/zivilrecht/buch/kap19_0.xml?section-view=true;section=5.

⁵ Rule 16.2 CPR. URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil/rules/part16>.

⁶ Stephen C. Hall. Preparing Construction Claims, 2020. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/9781119166528.ch2>.

⁷ Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. Статут, 2019. // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Подшивалов Т.П. Негаторный иск: проблемы теории и практики: монография. Инфотропик Медиа, 2019. // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Мацкевич П.Н. Еще раз к вопросу о преюдиции в гражданском судопроизводстве. Закон, 2019, №2. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Ерохова М.А., Усачева К.А. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения. Вестник ВАС РФ, 2013, №8. // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 14.08.2012 N A19-15375/2011.

¹² Ерохова М.А., Усачева К.А. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения. Вестник ВАС РФ, 2013, №8. // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См. например: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.06.2021 N Ф05-8199/2018 по делу N A40-52617/2017; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.06.2020 N Ф05-5308/2020 по делу N A40-96731/2015; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.07.2017 N Ф06-21809/2017 по делу N A57-19364/2016.

¹⁴ П. 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 N 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения».

¹⁵ См.: Скловский К.И. Применение законодательства о собственности. Трудные вопросы: Комментарий Постановления Пленума ВС РФ №10, Пленума ВАС РФ №22 от 29 апреля 2010 г., Постановления Пленума ВАС РФ

от 11 июля 2011 г. №54, информационного письма Президиума ВАС РФ от 15 января 2013 г. №153. Статут, 2014. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Том 1: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1913. С. 369.

¹⁷ Ерохова М.А., Усачева К.А. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения. Вестник ВАС РФ, 2013, №8. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. Статут, 2019. // СПС «КонсультантПлюс».

*Российская школа частного
права
Коновалова Анастасия Юрьевна
E-mail: anastasia.
konovalova2509@gmail.com*

*Russian School of Private Law
Konovalova Anastasia Yurievna
E-mail: anastasia.
konovalova2509@gmail.com*

Кулик Виктория Юрьевна

Российский государственный университет правосудия, г. Москва

**ИНФОРМАТИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РИСКИ
И АКТУАЛЬНОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ**

Kulik Victoria Yurievna

Russian State University of Justice, Moscow

**INFORMATION OF JUDICIAL ACTIVITIES IN
THE RUSSIAN FEDERATION: RISKS AND RELEVANCE
OF IMPLEMENTATION**

Аннотация: *В настоящее время – век цифровых технологий, быстрыми темпами развивается процесс информатизации судопроизводства и судебной деятельности. Информатизация судебной системы ставит своей целью – повышение эффективности информационного обеспечения. По нашему мнению, современные информационные технологии занимают особое место в обществе, они стали незаменимым средством управления, в частности, в сфере осуществления и отправления правосудия. С помощью информационных технологий возможно сделать процесс более организованным, а систему правосудия – эффективнее.*

Annotation: *At present, it is the age of digital technologies, the process of informatization of legal proceedings and judicial activities is rapidly developing. Informatization of the judicial system aims to increase the efficiency of information support. In our opinion, modern information technologies occupy a special place in society, they have become an indispensable means of management, in particular, in the field of implementation and administration of justice. With the help of information technology, it is possible to make the process more organized and the justice system more efficient.*

Ключевые слова: *судебная деятельность, правосудие, информатизация, информационные технологии.*

Key words: *judicial activity, justice, informatization, information technologies.*

В век цифровых технологий, с учетом развития современного общества, особое место в системе судебной и всей юридической деятельности занимает развитие информатизации.

По нашему мнению, для улучшения организации судопроизводства представляется значимым обращение к развитию и внедрению информационных технологий в судебную деятельность для повышения производительности и результативности работы органов судебной власти. В связи с тем, что нагрузка, возлагающаяся на судей, увеличилась, сократились сроки рассмотрения дел, то данная проблема является не только теоретически востребованной, но и практически значимой. Говоря о разрешении данного вопроса – информационные системы и технологии позволят улучшить качество, и производительность судебного делопроизводства. Информатизация судебной деятельности находится только в процессе развития и на данном этапе проходит процедуру освоения.

При этом под информатизацией судебной деятельности понимается организованный процесс создания надлежащих условий для доступа к информации, используемой в судопроизводстве, ее хранения, обработки и передачи в электронной форме на основе ресурсов судебных информационных систем.

Несмотря на то, что целесообразность использования научно-технического прогресса в сфере судебной деятельности обсуждается уже более 10 лет, все же существуют риски внедрения таких технологий, как информатизация. Прежде всего речь идет о типологии соотношения правосудия и информатизации, безопасности и сохранности информации судебной сети.

Например, вторжение в судебную сеть иных лиц, заинтересованных в исходе дела, для получения ценной информации; сбой при передаче данных или технического оборудования и программного обеспечения; изменение информации, в том числе, усилиями третьих лиц; возможность получения искаженной информации. Вышеперечисленные факторы могут привести к судебным ошибкам, что в свою очередь повлечет нарушение прав

человека, а также может явиться поводом к коррупционным схемам. В современном мире коррупция представляет серьезную и насущную проблему почти для всех государств¹.

Виктор Момотов, председатель Совета судей, указал, что на сегодняшний день в Банке решений судов общей юрисдикции, который создан на базе ГАС «Правосудие», содержится около пятидесяти миллионов судебных актов, а Банке решений арбитражных судов системы «Мой арбитр» – свыше тридцати семи миллионов. С помощью цифровых технологий имеется возможность найти по тексту нужные акты и интересующую то или иное лицо информацию. Судебная система призвана стать эффективным инструментом для разрешения споров и конфликтов, а обеспечить прозрачность своей деятельности представляется возможным с таким массивом открытой и доступной юридической информации.

На современном этапе данные начала реализуются и путем аудио, видео протоколирования процесса, в использовании видеоконференцсвязи при выполнении судебных поручений, обеспечивающих присутствие лиц, участвующих в деле при получении доказательств и в деятельности проверочных инстанций; в использовании информационных ресурсов по передаче ходатайств (заявлений) в кратчайшие сроки при рассмотрении дела; в возможности ознакомления с материалами электронного дела, к сожалению типичного для арбитражных судов, обеспечивающих использование процессуальных прав и выполнение процессуальных обязанностей в процессе разрешения спора.

Таким образом, с помощью информационных технологий очевидно добиться открытости судебной системы в России, реализовать идейное начало, сопряженное с принципом доступности.

Кроме того, если данный массив правовой информации активно применять к юридической практике по определенным вопросам, появится вероятность обеспечения правовой позиции.

Нередко обсуждается вопрос о том, возможно ли заменить судью компьютерной программой, или абсолютно, автоматизировать процесс отправления правосудия.

4 апреля 2019 г. в ходе пленарного заседания VI Московского юридического форума «Российская правовая система в условиях

четвертой промышленной революции» председатель Совета судей России Виктор Момотов обозначил, что в настоящее время в России активно формируется инфраструктура электронного государственного управления, дополнительный толчок к использованию и развитию новых информационных технологий в судебную систему внесла пандемия коронавируса. В. Момотов так же отметил, что термин «электронное правосудие» уже устоялся в нашем обществе и сфере правосудия. По его мнению, под этим термином подразумевается: «возможность осуществлять процессуальные действия в электронной форме»².

Равным образом председатель Совета судей высказал своё мнение о том, что использование искусственного интеллекта в процессе вынесения судебных приказов – будет уместным, перспективным и разумным решением для современного общества в сфере отправления правосудия.

Однако следует согласиться со взвешенным подходом, сводящимся, что информатизация не должна подменять правосудие в классическом его назначении, правовую культуру процесса, поскольку достигнутые ценности не рушимы.

Говоря о вынесении таких документов как решение, то это преимущественное право останется, как и прежде – за судьями. В обоснование такого мнения делается акцент на то, что система искусственного интеллекта никогда не сможет пробиться в основу человеческой психики и его сущности, в то время как во многих делах (например, семейных) очень много иррационального, а не формально-логического.

Так, предстоит стратегически определиться в сосуществовании онлайн-суда и очного правосудия; электронного документооборота не только внутри самой судебной системы, но и при внешнем взаимодействии суда и органа исполнительной власти, к примеру, Управления Росреестра по Воронежской области, как это уже апробировано между судом и судебными приставами, что качественно повышает уровень эффективности осуществления правосудия на стадии исполнения. На данный момент Российская судебная система информационного документооборота не имеет аналогов во всем мире.

Следовательно, в нынешнее время, предполагается усиление дистанционного взаимодействия граждан и организаций с судом

на определенных этапах гражданского судопроизводства: укоренение технологий электронного документооборота, электронного истребования и представления доказательств, электронного ознакомления с материалами дел, внедрение технологий проведения онлайн-заседаний при согласии участников процесса, введение общеобязательного правила об электронном способе передачи судебных извещений и вызовов наряду с традиционными способами. Уже на данном этапе развития, все суды федерального уровня снабжены системами видеоконференцсвязи, такие технологии дают возможность дистанционно участвовать в судебном процессе. Документооборот в электронном виде – повысит доступность к правосудию³.

Информатизация правосудия неизмеримо упрощает и катализирует процесс подачи документов в суд, служит поддержкой для сохранности судебных дел. Изучая финансовую составляющую в данной сфере, можно говорить о том, что с использованием электронного правосудия, денежные затраты всех сторон судопроизводства будут в несколько раз сокращены, что является немаловажным фактором для нашего общества⁴.

Использование модернизированных технологий приведет к новому импульсу таких базовых принципов судопроизводства, как доступность правосудия, гласность, состязательность, независимость судей, законность, рассмотрение дел в разумные сроки и открытость⁵.

Подводя итоги изучения проблем и подходов к такому новшеству как «информатизация судебной деятельности», неизбежно напрашивается вывод о том, что бумажная система делопроизводства, функционирующая в судах, морально устарела, а в практическом применении – создает определенные неудобства при её использовании. В целях сокращения издержек на изготовление копий материалов (корреспонденции), ускорения разрешения организационных задач, повышения уровня независимости судей, путём распределения дел между судьями, с учетом нагрузки и специализации каждого судьи, а также в целях обеспечения нового уровня применения базовых принципов судопроизводства, рационально будет внедрить в действующую судебную систему – электронный документооборот. Иначе говоря, для совершенствования судопроизводства необходимо перейти

к информатизации судов для создания полноценной системы ее информатизации, не сводя последнюю к «электронному правосудию».

¹ Приженникова А.Н. Осуществление правосудия в условиях информатизации и цифровизации // Образование и право. 2020. – С. 3–4.

² Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: VI Московский юридический форум // Актуальные проблемы российского права. – 2020. № 6.

³ Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. – № 2.

⁴ Михайленко Н.В. Перспективы и проблемы отправления цифрового правосудия в Российской Федерации // Закон и право. 2020. – С. 10–14.

⁵ Новикова К.С. Искусственный интеллект как элемент электронного правосудия: смарт-решение и электронные весы правосудия // Образование и право. 2020. – С. 7–8.

*Российский государственный
университет правосудия
Кулик Виктория Юрьевна
E-mail: v.pobedaaa@yandex.ru*

*Russian State University of Justice
Kulik Victoria Yurievna
E-mail: v.pobedaaa@yandex.ru*

Матвеева Ксения Александровна

Белорусский государственный университет

**АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ
СПОРОВ МЕЖДУ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ОБЪЕДИНЕННЫХ
НАЦИЙ И СУБЪЕКТАМИ, ВСТУПАЮЩИМИ С НЕЙ
В ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА**

Matveeva Ksenia Alexandrovna

Belarusian State University

**ALTERNATIVE DISPUTE RESOLUTION BETWEEN
THE UNITED NATIONS ORGANIZATION
AND SUBJECTS OF LAW ENTERING INTO PRIVATE
INTERNATIONAL RELATIONS WITH IT**

Аннотация: в статье рассматриваются существующие правозащитные механизмы неформальной системы отправления правосудия Организации Объединенных Наций, предназначенные для разрешения споров с ее сотрудниками. Особое внимание уделяется возможности расширения их предметной юрисдикции в отношении граждан и организаций, вступающих с Организацией Объединенных Наций в частноправовые правоотношения международного характера, с целью обеспечения должной реализации их прав на защиту.

Annotation: the article examines the existing human rights mechanisms of the informal human rights system of the United Nations, designed to resolve disputes with its staff. Particular attention is paid to the possibility of expanding their substantive jurisdiction over citizens and organizations entering into private law relations of an international nature with the United Nations in order to ensure the proper exercise of their rights to protection.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, абсолютный иммунитет, негосударственные акторы, внутренняя правозащитная система Организации Объединенных Наций.

Key words: United Nations, absolute immunity, non-state actors, United Nations internal justice system.

Организация Объединенных Наций (далее – ООН) и ее специализированные учреждения ежедневно выступают сторонами международных договоров. В процессе участия в гражданско-правовых отношениях, у всех субъектов правоотношений по общему правилу возникают взаимные права, обязанности и ответственность. Исходя из общепризнанного принципа международного права *acta sunt servanda* невыполнение организацией взятых на себя по договорам обязательств влечет за собой международно-правовую ответственность¹. Тем не менее практика свидетельствует о том, что этот принцип не выполняется ввиду сложившегося признания абсолютного иммунитета ООН.

На сегодняшний день судебная практика насчитывает массу прецедентов, где права заявителей были нарушены из-за признания судами абсолютного иммунитета ООН. Такое положение вещей фактически обуславливает невозможность привлечения организации к ответственности и ставит ее в привилегированное положение по отношению к другой стороне в споре, нарушая принцип равноправия субъектов в частноправовых отношениях, и, как следствие, усложняя развитие межгосударственных отношений.

Несмотря на явную необходимость пересмотра абсолютной концепции иммунитета ООН в частных правоотношениях, стоит отметить, что национальные суды не являются единственным способом защиты прав.

Внутренняя правозащитная система ООН представлена разнообразными формами для разрешения споров между ООН и её государствами-членами; споров между организацией и государствами, не являющимися её членами; споров между органами международной организации, а также частноправовых споров между членами действующими и бывшими сотрудниками международной организации.

Вместе с тем вопрос о возможности разрешения частноправовых споров, возникающих между ООН и международными организациями, физическими, юридическими лицами и другими организациями, вступающими с ней в гражданско-правовые отношения международного характера, остается неразрешенным, поскольку существующие в рамках организации альтернативные способы разрешения споров ООН призваны разрешать частноправовые споры лишь с сотрудниками или бывшими сотрудниками организации. Возникает вопрос: насколько действующие механизмы неформальной правозащитной системы ООН готовы к расширению юрисдикции в части принятия обязательств по разрешению споров с негосударственными акторами (т.е. нашими международными организациями, физическими, юридическими лицами и другими организациями, вступающими с ней в гражданско-правовые отношения международного характера)?

Для ответа на поставленный вопрос интересным представляется анализ внутренних альтернативных способов разрешения споров, предлагаемых ООН сотрудникам, с целью определения возможности их применения для разрешения указанных выше категорий споров.

Система разрешения споров, связанных с трудовой деятельностью в ООН, утверждена Генеральной Ассамблеей и функционирует в нынешнем виде с 1 июля 2009 года. В резолюции Генеральной Ассамблеи 61/261 новая система представляется как независимое, профессиональное, целесообразное, прозрачное и децентрализованное правосудие, созданное в 2009 году после десятилетних усилий по реформированию. Новая система, без сомнения, обеспечит режим независимости и беспристрастности, что значительно улучшит ситуацию, предшествующую существованию этих трибуналов.

После устранения Административного трибунала, ныне действующая система предполагает рассмотрение споров с участием персонала ООН не только в формальных, но и в неформальных процедурах.

В рамках проведенной реформы, что касается так называемого «неформального» отправления правосудия, вместо консультативных органов был учрежден единый, объединенный и

децентрализованный аппарат (Канцелярия) Омбудсмена для Секретариата.

Говоря о неформальном отправлении правосудия, можно констатировать, что сегодня в рамках системы Объединенных Наций создано достаточное количество органов, призванных разрешать споры, не доводя их до суда.

Сотрудникам ООН настоятельно рекомендуется до обращения к формальному компоненту системы отправления правосудия предпринять все меры для урегулирования спора в неформальном порядке. Использование неформальных методов разрешения споров отнюдь не лишает сотрудников возможности передать дело на рассмотрение в формальный компонент системы. Даже после того, как сотрудник уже воспользовался неформальным процессом и обратился к формальным элементам системы с просьбой о проведении управленческой оценки, подал заявление в Трибунал по спорам ООН или впоследствии подал апелляцию в Апелляционный трибунал ООН, у него по-прежнему есть возможность добиваться урегулирования спора с помощью неформальных средств.

Омбудсмены и посредники могут быть ключевым ресурсом для сотрудников, которые нуждаются в рекомендации относительно того, куда обратиться со своими проблемами и что делать дальше, или когда они пытаются понять возможные последствия обращения со своей жалобой.

Если помощь омбудсмена не приводит к разрешению вопроса, а другие неофициальные попытки урегулировать спор не удалось, сотрудник может воспользоваться процедурой формального разбирательства жалобы.

Вполне возможно, что дело, переданное для рассмотрения в рамках формального компонента системы внутреннего правосудия ООН, будет передано судьей Трибунала для решения в рамках посредничества, если стороны с этим согласятся.

Если посредничество не приведет к урегулированию вопроса, дело будет возвращено для разрешения в рамках формальной системы.

На любой стадии спора или даже до его начала, сотрудник Секретариата ООН или отдельно управляемых фондов или организаций может обратиться за правовой помощью в Отдел юри-

дической помощи персоналу (далее – ОЮП, отдел). Отдел может предоставлять консультации и юридическую помощь адвоката в ходе неформального процесса, а также в случае, если сотрудник принимает решение использовать формальную систему.

Отдел может проконсультировать сотрудника по юридическому существу дела и рассказать об имеющихся вариантах действий. Если сотрудник пожелает, чтобы дело рассматривалось в рамках формальной системы, то отдел юридической помощи персоналу будет оказывать ему содействие в этом процессе и будет представлять его интересы. В отделе юридической помощи персоналу в Центральных учреждениях в Нью-Йорке, а также в Женеве, Найроби, Аддис-Абебе и Бейруте работают профессиональные штатные юристы, которые являются экспертами в области трудового и административного права и которые подготовлены для представления интересов клиента в суде.

Что же касается оценки эффективности деятельности руководителей, омбудсменов и посредников в разрешении трудовых споров, то из анализа докладов Канцелярии омбудсмана, резолюций Генеральной Ассамблеи и докладов Генерального секретаря ООН за последние 3 года следует, что ООН взяла верный курс на реализацию и поддержку программы досудебного урегулирования споров с перспективой на будущее. Об этом свидетельствуют и статистические данные, демонстрирующие растущее число запросов на услуги Канцелярии со стороны департаментов, с которыми она взаимодействует и непосредственно со стороны сотрудников.

В частности, в резолюции 73/276 Генеральная Ассамблея отмечает, что неформальная система отправления правосудия является действенным и эффективным механизмом как для рассмотрения жалоб сотрудников, стремящихся к удовлетворению своих требований, так и для привлечения руководителей к участию в отпращивании правосудия.

Действительно, сегодня мы можем наблюдать положительные тенденции к досудебному урегулированию споров в рамках организации. Так, в 2018 году Канцелярия приняла к рассмотрению в общей сложности 3577 дел, включая дела в рамках процедуры посредничества, что представляло собой увеличение на 10 процентов по сравнению с количеством дел в прошлом году.

Важно отметить и то, что за последние пять лет наблюдается общая тенденция к росту числа дел.

Неформальные органы для урегулирования споров весьма открыто и продуктивно демонстрируют показатели проделанной работы. В открытом доступе можно ознакомиться с отчетами, где анализируются причины возникновения конфликтов. Канцелярия выявляет тенденции и системные проблемы, лежащие в основе трудовых конфликтов, опираясь на рассмотренные ранее дела. Такими проблемами могут быть, например: репутация, стресс, межличностные противоречия, атмосфера и моральное состояние в коллективе, коммуникация и др. Выявленные проблемы доводятся до сведения руководства организации для поиска путей устранения первопричин и своеобразной превенции.

В вышеуказанной резолюции также Генеральная Ассамблея отметила высокую долю урегулированных споров, в отношении которых применялась процедура посредничества, и рекомендовала Канцелярии Омбудсмена и посредников ООН и далее прилагать усилия к неформальному разрешению споров. В течение отчетного периода из 65 дел, показатель урегулирования составляет 83 процента. В остальных делах процедуру посредничества невозможно было использовать либо потому, что одна из сторон отказалась от посредничества, либо потому, что характер спора не соответствовал возможности ее применения².

Отмеченная положительная тенденция продолжилась и в 2019 году. Так, Канцелярия Омбудсмена и посредников ООН приняла к рассмотрению в общей сложности 2238 дел, включая дела, предполагающие посредничество. С использованием процедуры посредничества в Секретариате было открыто 112 дел, что почти вдвое больше, чем в 2018 году, когда с использованием процедуры посредничества было открыто только 63 дела.

Служба посредничества Канцелярии также провела четыре групповых разбирательства, в которых приняли участие в общей сложности около 70 человек. Этим группам оказывалась поддержка, чтобы они могли провести обсуждения в целях конструктивного продвижения вперед. Примечательно, что каждое групповое дело засчитывается как одно. При этом, как мы видим, оно может затронуть 70 и более человек.

Показатель урегулирования Канцелярией дел, предполагающих посредничество, остается высоким. Из 114, закрытых в 2019 году, посредничество было использовано в 79 делах (69 процентов), а 2 дела представляли собой завершённые групповые процессы. Из общего числа предполагавших посредничество дел, которые были закрыты, показатель урегулирования составил 85 процентов³.

Исходя из вышеизложенного, создание неформальных механизмов для защиты прав сотрудников можно признать результативным и эффективным последствием реформы административной юстиции ООН. На сегодняшний день можно смело констатировать, что сотрудники имеют возможность реализовать право на защиту, путем обращения за квалифицированной правовой помощью. Канцелярия омбудсмена и посредников справляются с возложенными на них функциями, о чем свидетельствует тот факт, что практически все споры на данный момент разрешаются в рамках неформальной системы.

Проведенный анализ неформальных механизмов правозащитной системы ООН, демонстрирующий положительные тенденции к мирному урегулированию споров, позволяет заключить, что они могут служить платформой и для рассмотрения споров с негосударственными акторами.

Для реализации этого предложения необходима разработка документа (типового положения), регламентирующего порядок и объясняющего алгоритм действий субъектов, вступающих с организацией в частноправовые отношения, в случае возникновения какого-либо спора, а также последующего включения соответствующих типовых положений о разрешении споров в правовые акты либо договоры.

Полагаем, такая практика будет способствовать созданию равных условий для всех акторов в частноправовых отношениях, а также позволит обеспечить необходимые гарантии защиты их прав и законных интересов.

³ Венская конвенция о праве международных договоров [Электронный ресурс] : [совершено, Вена, 23 мая 1969 г.] // Организация Объединенных Наций. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml

² Доклад Генерального секретаря ООН о деятельности Канцелярии Омбудсмана и посредников Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2019 // Организация Объединенных Наций. – URL : <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/74/171>.

³ Доклад Генерального секретаря ООН о деятельности Канцелярии Омбудсмана и посредников Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2020 // Организация Объединенных Наций – URL : <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/75/160>.

*Белорусский государственный
университет*

Матвеева Ксения Александровна

E-mail: kseniamatveeva99@gmail.

com

Belarusian State University

Matveeva Ksenia Alexandrovna

E-mail: kseniamatveeva99@gmail.

com

Мирзакреева Лия Ирековна

*Казанский филиал Российского государственного университета
правосудия, г. Казань*

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Mirzakreeva Liya Irekovna

Kazan branch of the Russian State University of Justice, Kazan

ELECTRONIC JUSTICE IN CIVIL PROCEEDINGS

Аннотация: *Рассматривается понятие электронного правосудия, информационные технологии, электронный документооборот.*

Annotation: *The concept of electronic justice, information technology, electronic document management is considered.*

Ключевые слова: *гражданский процесс, электронное правосудие, электронное извещение, судопроизводство, ГАС «Правосудие».*

Key words: *civil procedure, electronic justice, electronic notification, legal proceedings, GAS "Justice".*

С использованием информационных технологий в правовой системе связано появление понятия «электронное правосудие», что обусловлено необходимостью адаптации гражданской процессуальной науки к информационному обществу. Под электронным правосудием понимаются способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие в электронном (цифровом) виде судов, физических и юридических лиц¹.

Использование информационных технологий связано с введением дополнительных гарантий для защиты прав участников

процесса. Основным субъектом гражданских процессуальных правоотношений является суд. Гражданский процессуальный кодекс РФ регулирует процессуальные полномочия суда по осуществлению правосудия по гражданским делам, корреспондирующие процессуальным правам. Функции автоматизированных информационных систем можно подразделить на опции, обслуживающие: судебное делопроизводство в целом, электронный документооборот, реализацию процессуальных полномочий суда и лиц, участвующих в деле. В целях обеспечения электронного документооборота и делопроизводства на суд возлагается выполнение множества служебных функций: регистрация в системе поступающих исковых заявлений, жалоб, исковых заявлений с приложенными документами; распечатка поступивших через систему ГАС «Правосудие» документов; контроль за автоматическим распределением дел между судьями; обеспечение проведения судебных заседаний в режиме видео-конференц-связи; размещение информации о судебных заседаниях на сайте судов; заполнение электронной картотеки гражданских дел и многое другое. Второе направление непосредственно касается процессуальных действий суда, осуществляемых в связи с применением электронных технологий. Правовому регулированию на уровне кодексов подверглась сравнительно небольшая область «электронных» полномочий суда. Среди них извещение путем СМС-сообщений, выполнение судебных постановлений в форме электронного документа, представление в суд документов в виде цифровой записи либо подписанных электронной цифровой подписью². Правила обращения в суд через сеть Интернет утверждены Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 N 251 (ред. от 17.11.2021) "Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа"³. Позднее эти правила были уточнены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»⁴.

В ГПК РФ отсутствует такое понятие, как «технический отказ» или «отклонение заявления», а также правила его процес-

суального оформления. Отклонение электронного обращения в связи с тем, что оно идентично ранее направленному обращению аналогично процессуальному основанию для возвращения искового заявления, предусмотренному п. 5 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, когда в производстве суда или третейского суда уже имеется тождественный иск. Возможно, что электронное обращение может быть продублировано дважды, и в этом случае повторное обращение подлежит отклонению. Если эта ситуация имела место, то выносить определение о возвращении искового материала нецелесообразно, однако в этом случае необходимо изменить звучание основания для технического отказа. Непринятие электронного обращения по мотиву неприложенного документа, подтверждающего полномочия представителя на предъявления в суд документов, дублирует соответствующее основание для оставления искового заявления без движения (ст. 136 ГПК РФ). Отклонение документов по классическим процессуальным основаниям можно было бы оправдать оперативной реакцией суда на подачу электронного обращения. Однако для правильного решения вопроса о компетенции суда, а также для определения родовой, территориальной подсудности, подсудности дел суду необходимы юридические знания. Риск совершения ошибки работником суда достаточно велик, учитывая, что, по сути, проверка искового заявления это содержание процессуальной деятельности судьи. Допущенную ошибку не удастся устранить, поскольку уведомление, в отличие от определения, нельзя обжаловать в вышестоящие инстанции. При наличии на подаваемом в суд заявлении усиленной электронной цифровой подписи суд должен идентифицировать лицо, которому она принадлежит, на основании удостоверенного сервисным центром сертификата ключа проверки электронной подписи. Результат онлайн проверки позволяет суду установить действительность сертификата, владельца и издателя подписи, ее правильность. Суд может отклонить заявление в связи с тем, что электронная подпись не соответствует виду, установленному Порядком подачи документов, а также электронная подпись не прошла проверку: на момент подписания документа срок действия сертификата электронной подписи истек, электронная подпись не соответствует документу, документ был изменен после подписания его электронной

подписью. Гражданский процессуальный кодекс РФ прямо не возлагает на судью обязанность по проверке усиленной квалифицированной электронной подписи при принятии обращения⁵. Эти действия совершает работник, принимающий электронное заявление. Определения о принятии искового заявления, отказе в принятии искового заявления, об оставлении его без движения или возвращении традиционно оформляются на бумажном носителе и направляются истцу по почте. Оперативное получение истцом (заявителем) судебных актов в режиме ограниченного доступа и создание электронного сервиса для устранения недостатков искового заявления оптимизировали бы этот процесс.

В начале 2020 года мировое сообщество столкнулось с беспрецедентным по масштабам и последствиям событием: распространением нового коронавируса (COVID-19), признанного пандемией и повлекшего серьезные угрозы жизни и здоровью граждан по всему миру. Наряду с социальными последствиями, распространение COVID-19 стало причиной падения фондовых рынков и замедлению важнейших экономических процессов, обернувшихся для многих предприятий банкротствами. Вышеизложенное свидетельствует об актуальности изучения процессов интеграции информационных технологий в отечественное гражданско-процессуальное право для совершенствования отношений, связанных с защитой прав участников предпринимательской деятельности⁶. Спад деловой активности в условиях пандемии имеет ряд специфических признаков. В качестве наиболее существенных из них следует выделить: всеобъемлющий характер; стремительное глобальное распространение инфекции; длительное воздействие в отсутствие эффективных медицинских средств; перегруженность организаций здравоохранения; стойкую утрату трудоспособности населения, приводящую к дефициту рабочей силы; необходимость в межотраслевом и международном взаимодействии для эффективной борьбы с пандемией. Цифровизация, как главный тренд государственного, социального и экономического развития 21 века, с распространением пандемии, позволила выявить ряд существенных проблем в сфере гражданского процесса, связанных с необходимостью соблюдения сроков, качественного уровня правосудия, эффективностью исполнительного производства, недостаточно-

го уровня правосознания граждан. Существующая в настоящее время судебная система продемонстрировала свою негибкость и неспособность адаптироваться к условиям вынужденной самоизоляции граждан. Анализ принятых в последнее десятилетие нормативных актов, регламентирующих вопросы интеграции цифровых технологий в гражданское судопроизводство, позволил выявить ряд проблем, препятствующих оптимизации регулирования правовых отношений в период осложнения эпидемиологической обстановки. Первая проблема связана с тем, что в подавляющем большинстве российских судов используются явно устаревшие и несовместимые технологии. Так, с 1 января 2017 года суды общей юрисдикции, помимо исков в бумажном виде, могут принимать иски, поданные в электронном виде. Однако в системе «Электронное правосудие» отсутствует механизм внутреннего документооборота между различными судами. По этой причине при использовании некоторых автоматизированных систем на практике приходится дублировать стандартные процедуры обмена документами, осложняя при этом производство по гражданским делам⁷.

¹ Романенкова С.В. Становление и развитие электронного правосудия в Российской Федерации // Российское правосудие.-Москва, 2018. № 10. С. 61–67.

² Шарифуллин Р.А., Бурганов Р.С., Бикмиев Р.Г. Элементы электронного правосудия // Российский судья. 2018. № 6. С. 57–62

³ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209690/

⁴ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286321/

⁵ Аносов А.В. Теоретико-правовые вопросы формирования «электронного правосудия» в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. № 5. С. 142–147.

⁶ Цветков В.А., Дудин М.Н. Пандемия COVID-19 как угроза продовольственной и экономической безопасности страны // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 4 С. 334–344.

⁷ Клышева Д.А., Зелененко А.И., Гаерфанов И.Ф., Маркина Ю.В. Влияние COVID-19 на мировую экономику // Прорывные экономические реформы в условиях риска и неопределенности: сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. Стерлитамак, 2020. С. 56–59.

*Казанский филиал Российского
государственного университета
правосудия
Мирзакреева Лиля Ирековна
E-mail: luvinograd@mail.ru*

*Kazan branch of the Russian State
University of Justice
Mirzakreeva Liya Irekovna
E-mail: luvinograd@mail.ru*

Мезенцева Анна Юрьевна

*Центральный филиал Российского государственного университета
правосудия, г. Воронеж*

**ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ НА СОВРЕМЕННОМ
ЭТАПЕ**

Mezentseva Anna Yurievna

Central Branch of the Russian State University of Justice, Voronezh

**CONCILIATION PROCEDURES IN CIVIL
PROCEEDINGS AT THE PRESENT STAGE**

Аннотация: в статье рассматриваются многофакторные аспекты, связанные с внедрением в национальную правовую систему примирительных процедур. Учитываются такие проблемные аспекты, как недостаточный общекультурный уровень населения посредством медиации быть готовым к диалогу, отсутствие популяризации научных основ переговорного процесса, слабая информатизация населения о преимуществах медиации, дефицит квалифицированных медиаторов. При исследовании вопросов редкого применения процедуры медиации на практике уделено внимание месту и содержанию переговоров, его процедурным вопросам в качестве самостоятельной примирительной процедуры.

Annotation: The article examines the multifactorial aspects associated with the introduction of mediation procedures into the national legal system. Such problematic aspects as the insufficient general cultural level of the population through mediation to be ready for dialogue, the lack of popularization of the scientific foundations of the negotiation process, the weak informing of the population about the benefits of mediation, and the shortage of qualified mediators are taken into account. In the study of the rare use of mediation in practice, attention is paid to the place and content of

negotiations, its procedural issues as an independent reconciliation procedure.

Ключевые слова: примирительные процедуры, переговоры, медиация, гражданский процесс.

Key words: conciliation procedures, negotiation, mediation, civil procedure.

Считается, что урегулирование споров в юрисдикционных органах, в первую очередь в судах, является самым эффективным способом защиты субъективных, публичных прав и свобод. При этом возникает вопрос: «Чем это обосновано?».

На наш взгляд, данная ситуация предопределена многообразием факторов, к числу которых следует отнести объективные и субъективные, складывающиеся не одно столетие, а также формацию. Под давлением совокупности обстоятельств выработался стереотип мышления, что решение конфликта предопределено исключительно в процессе борьбы.

Одновременно, из-за недостаточной осведомленности преимуществ примирительных процедур возникает коллапс: они не востребованы на практике. Законы, расширяющие возможности правовой защищенности, в большей степени носят декларативный характер.

Кроме того, на притязания в гражданском процессе каждой стороны накладывает свой след само рассмотрение дела, его объективированный результат, принудительный характер исполнения. Стоит отметить, что нередко происходят случаи, когда принятое судом решение, будучи обоснованным и законным, не может удовлетворить все стороны, которые заинтересованы в исходе дела.

Мотивированность на достижение желаемого, прогнозируемого результата приводит к предсказуемым последствиям, к примеру: отказ должника исполнять судебный акт, обжалование судебного решения в апелляционной, кассационной инстанциях. Несомненно, данные процедуры занимают не только время, но и денежные средства. Следовательно, существует необходимость в усовершенствовании и улучшении работы судов при разрешении споров. При этом есть и моральная сторона: мы научимся

уважать оппонента, сумеем его выслушать, что скажется на зрелости гражданского общества в целом и каждого из нас в отдельности.

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что данная проблема серьезно интересует ученых, которые над ней сегодня работают. В частности, вопросам, затронутым в нашем исследовании, посвятили свои работы такие авторы, как О.Н. Здрок, А.И. Иванчак, Е.И. Носырева, И.В. Слепцов и другие.

Отметим, что в последние годы наблюдается возрастание интереса к иным способам разрешения гражданских дел – примирительным процедурам. Многие ученые в своих исследованиях цивилистического процесса предлагают их классификацию. Стоит обратить внимание на мнение проректора по учебной работе и образовательным инновациям, доктора юридических наук Белорусского государственного университета О.Н. Здрок, которая выделяет различные критерии для классификации примирительных процедур: «Судебные цивилистические процедуры могут быть классифицированы по степени активности суда, степени интеграции в правоприменительную деятельность суда, используемым процессуальным средствам»¹.

Законодательное поле в статье 153.3 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК РФ)² закрепляет два вида примирительных процедур: переговоры и посредничество. В свою очередь, посредничество имеет разновидности – медиация и судебное примирение. Законодатель не ограничивает использование и других примирительных процедур, если они не противоречат закону.

Стоит отметить, что для возникновения переговорной деятельности сторон существует необходимость их готовности к вступлению в переговоры. Кроме того, процесс переговоров может начаться при условии, что у сторон будут не только противоречащие интересы, но и общие, которые являются значимыми для всех, а также, если стороны предполагают достигнуть определенного соглашения. Тем не менее, исследователи отмечают, что процесс переговоров станет эффективнее при обоюдном стремлении сторон прийти к компромиссу.

На наш взгляд, у переговорного процесса есть свои особенности. Одной из них является принятие соответствующих

решений не компетентным органом, а сторонами конфликта самостоятельно. Следовательно, в данном аспекте переговоры представляют собой процесс согласования интересов сторон, целью которого является разрешение частноправового спора, и в рамках которого спорящие стороны самостоятельно принимают решение.

Следует согласиться с мнением заведующей кафедрой гражданского права и процесса, профессора Воронежского государственного университета Е.И. Носыревой, которая считает: «Пока же в отношении переговоров складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, оговорка об урегулировании спора с помощью переговоров присутствует практически в каждом гражданско-правовом договоре. С другой стороны, переговоры сами по себе не признаются самостоятельной примирительной процедурой, влекущей какие-либо правовые последствия»³. Кроме того, ведущий цивилист обращает внимание на судебную практику, а именно на Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ: по одному из дел суд указывал, что ведение сторонами переговорного процесса о мирном разрешении спора без представления подписанного текста мирового соглашения, а также без ходатайства о его утверждении, не создает правовых последствий по делу, потому что выражает только намерение сторон на заключение такого соглашения⁴.

Отметим, что существуют и другие проблемные аспекты переговорного процесса. К их числу исследователи отнесли: недостаточный общекультурный уровень населения; слабость экономической и правовой базы, которая используется для организации переговорного взаимодействия; отсутствие популяризации научных основ переговорного процесса; нерешенность вопросов подготовки квалифицированных кадров, которые смогут осуществить медиацию, и многое другое⁵.

Приходится констатировать, что основное внимание в России по-прежнему уделяется процедуре медиации. Несмотря на ее редкое применение на практике, в законодательстве постоянно появляются изменения в этом направлении с целью привести данный способ разрешения конфликтов в правовую форму. Обратим внимание на одну из причин нежелания сторон прибегать к медиативным услугам: они не хотят привлекать посредника

для того, чтобы разрешить их конфликт. На наш взгляд, возникает вопрос: «Почему же стороны не используют такую примирительную процедуру, как переговоры, если не желают привлекать посредников?». Как уже отмечалось выше, проблема в том, что порой прийти к компромиссу с помощью переговорного процесса совсем не получается. В данном случае, есть возможность обратиться к медиатору, но и здесь существуют преграды, берущие свои истоки в качестве воплощенных законодательных положений, несовершенной юридической техники, что подчеркивает недостатки рассматриваемого института.

Следует обратить внимание на мнение судьи Борзинского городского суда Забайкальского края И.В. Слепцова, который в своих трудах указывает, что «медиация представляет собой органичное дополнение судебной системы, которое способствует совершенствованию общественных отношений, снижению нагрузки на судей, повышает доверие общества к институту права, развивает культуру конструктивного и мирного разрешения споров»⁶.

Кроме того, он выделяет несколько преимуществ данного института: доступность, добровольность, конфиденциальность, а также возможность найти решение, соответствующее реальному положению вещей, с наименьшей затратой времени. При этом отмечает, что проблемные аспекты, которые препятствуют развитию и совершенствованию института медиации, стоит учитывать.

Стоит отметить, что слабая информированность граждан о медиативной процедуре, низкий уровень правосознания и правовой культуры населения, являются прямыми факторами неприменения данного вида примирительной процедуры на современном этапе. Не менее важно выделить дефицит квалифицированных медиаторов, а также центров, которые предлагают юридические услуги в примирительной сфере. Кроме того, эта процедура имеет свою специфику, которую нужно учитывать, так как ее организация и проведение потребуют не только времени, но и денежных вложений. В этой связи, стороны часто отказываются от предложения суда, связанного с обращением к медиатору.

Если проанализировать научные исследования, то можно прийти к выводу о том, что на современном этапе развития примирительные процедуры, а именно переговоры и медиация, нуждаются в совершенствовании, как законодательного, так и практического характера.

Таким образом, на основании проведенного исследования и использования методов анализа, сравнения и полемики, сделаны следующие выводы.

Во-первых, законодателю стоит продолжать работать над признанием переговоров в качестве самостоятельной примирительной процедуры, влекущей правовые последствия.

Во-вторых, существует необходимость в повышении уровня информированности населения о медиации, правосознания и правовой культуры.

В-третьих, необходимо учесть, что на современном этапе требуется больше квалифицированных специалистов в сфере такой примирительной процедуры как медиация.

В-четвертых, стоит организовать просветительскую работу, которая будет направлена на разъяснение сути процедуры медиации, а также преимуществ ее использования.

¹ Здрок О.Н. Принципы и модели организации примирительных процедур в современном цивилистическом процессе // Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика: сборник материалов II Международной заочной научной конференции. Минск: Белорусский государственный университет. 2017. С. 192–193.

² Собрание законодательства РФ. 2002. N 46. Ст. 4532.

³ Носырева Е.И. Перспективы развития в Российской Федерации отдельных примирительных процедур // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». 2019. С. 200.

⁴ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.03.2012 № 13620/11 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 6.

⁵ Подробнее см. Брыжинский А.А. Альтернативное разрешение правовых споров и конфликтов в России. Дис. ...к.ю.н. Саранск. 2005.; Кузбага

ров А.Н. Примирение сторон по конфликтам частнопроводного характера. Дис. ... д.ю.н. Санкт-Петербург. 2006.; и др.

⁶ Слепцов И.В. Примирительные процедуры в гражданском процессе: новеллы законодательства // 10 лет судам общей юрисдикции забайкальского края. Новеллы процессуального и судоустройственного законодательства. Материалы национальной научно-практической конференции. 2019. С. 71.

*Центральный филиал
Российского государственного
университета правосудия
Мезенцева Анна Юрьевна
E-mail: anna.inphorm@mail.ru*

*Central Branch of the Russian State
University of Justice
Mezentseva Anna Yurievna
E-mail: anna.inphorm@mail.ru*

Нагавкин Алексей Евгеньевич

*Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина, г. Москва*

**МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ С ПРОКУРОРОМ:
ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ «ДОГОВОРИТЬСЯ»
С НАДЗОРНЫМ ВЕДОМСТВОМ?**

Nagavkin Alexey Evgenievich

Kutafin Moscow State Law University, Moscow

**SETTLEMENT AGREEMENT WITH THE PROSECUTOR:
WHY IS IT IMPOSSIBLE TO «NEGOTIATE»
WITH THE SUPERVISORY AUTHORITY?**

Аннотация: мировое соглашение – универсальный институт, позволяющий участникам спора урегулировать разногласия быстрее, чем это сделает суд. Но в судебной практике могут возникать такие обстоятельства, которые препятствуют заключению мирового соглашения. Одним из таких обстоятельств является участие в деле прокурора.

Annotation: settlement agreement is a universal institute, which allows parties to a dispute resolve their differences faster than in court. But in judicial practice can arise situation, which impede to conclude a settlement agreement. One of this reason is involvement prosecutor in the case

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; мировое соглашение; прокурор; участие прокурора

Key words: civil proceedings; settlement agreement; prosecutor; participation of the prosecutor

Судебная защита – один из наиболее распространённых способов восстановления нарушенных прав и свобод. Граждане и организации могут обратиться в суд по самому разнообразному

кругу вопросов, начиная от взыскания денежных средств и заканчивая защитой интеллектуальной собственности. Для этих целей, в соответствии с Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации»¹, создается система судов, которые рассматривают определенный круг вопросов и обладают различной компетенцией по осуществлению судебной власти. Полномочия и подсудность судов устанавливается процессуальным законодательством² в зависимости от вида осуществляемого судопроизводства³.

Гражданское судопроизводство осуществляется судами общей юрисдикции⁴ и регулируется Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – ГПК РФ)⁵. В данном виде судопроизводства сторонами, обладающими процессуальными правами и несущими определенные обязанности, являются истец, то есть лицо, обратившееся в суд, и ответчик – сторона, к которой предъявляются требования истца. Сторонами могут являться как физические, так и юридические лица в зависимости от предмета спора. Основной задачей является правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации и её субъектов, а также других лиц, являющихся субъектами различных правоотношений. Для этого суд в рамках разрешения конкретного спора исследует фактические обстоятельства, заслушивает объяснения сторон, анализирует представленные доказательства и определяет подлежат ли удовлетворению заявленные иски или нет. Однако в жизни могут происходить разные ситуации и стороны могут договориться еще до вынесения решения суда. Чтобы зафиксировать законодательно такую возможность и ее правовые последствия, ГПК РФ предусматривает разные варианты примирительных процедур⁶. Закон устанавливает, что разногласия могут быть урегулированы путем проведения переговоров, посредничества, в том числе медиации, а также судебного примирения⁷. То есть, истец и ответчик могут самостоятельно, либо с помощью независимого незаинтересованного лица, договориться между собой, и как результат истец может полностью или частично отказаться от заявленных исковых требований или же

ответчик может полностью или частично признать требования истца. Кроме вышеперечисленного, ГПК РФ предусматривает возможность сторон на любой стадии процесса заключить мировое соглашение⁸. Мировое соглашение – это соглашение сторон, содержащее обязательства сторон друг перед другом или одной стороны перед другой, условия, размер и сроки их исполнения, а также по иным вопросам, которые были или будут предметом разбирательств в суде. Так, например, за первое полугодие 2021 года в Российской Федерации было прекращено производство по 34 686 гражданских дел в связи с заключением мирового соглашения, утвержденного судом⁹. Это свидетельствует о том, что возможность договориться используется для достижения определенного компромисса и защиты интересов.

Как было отмечено, сторонами выступают физические или юридические лица, но при рассмотрении дела, одной из сторон может выступать особое процессуальное лицо – прокурор. Прокурор¹⁰ – должностное лицо органа прокуратуры, реализующее в пределах установленной компетенции определенные полномочия при осуществлении возложенных на прокуратуру РФ функций и иных направлений деятельности. Он имеет право вступить в дело в любой стадии процесса¹¹, если этого требует защита прав граждан или охраняемых интересов общества и государства. Также прокурор имеет право обратиться в суд с заявлением в защиту тех, кто по объективным причинам не может защитить себя самостоятельно или же в защиту интересов неопределенного круга лиц¹². В этом случае он будет являться истцом и пользоваться всеми процессуальными правами и нести обязанности. Согласно статистике¹³, за первое полугодие 2021 года в России было принято к производству 109 815 в связи с обращением прокурора. Если прокурор наделен правами и обязанностями истца, то с ним можно заключить мировое соглашение? ГПК РФ в статье 45 даёт однозначный ответ: «прокурор, подавший заявление, пользуется всеми процессуальными правами и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения и обязанности по уплате судебных расходов». Из этого следует, что невозможно договориться с прокурором, как если бы это было физическое или юридическое лицо, а также он освобождается от уплаты судеб-

ных расходов. Но почему так сложилось? С судебными расходами всё понятно, даже не углубляясь в юридическую науку: прокуратура, являясь государственным органом, обращается в другой государственный орган – суд. Так как и надзорное ведомство, и суд осуществляют свои функции за счёт средств федерального бюджета, то и необходимости уплачивать пошлину при обращении не усматривается. Почему же при этом у прокурора отсутствует право заключения мирового соглашения? Для ответа на этот вопрос необходимо детальнее рассмотреть процесс обращения прокурора в суд. Прокуратура, в ходе осуществления своих полномочий, принимает определенные меры¹⁴ для предотвращения или устранения нарушений прав и свобод граждан. Такими мерами могут быть: протест, представление, постановление и предостережение. При неисполнении или ненадлежащем исполнении данных мер реагирования, прокурор имеет право обратиться в суд по соответствующему вопросу. Так, например, если при проведении прокурорской проверки будет выявлено нарушение трудового законодательства, то прокурор обращается в суд в порядке 45 статьи ГПК РФ для восстановления нарушенных прав работников. Согласно представленной статистике¹⁵, за первое полугодие 2021 года в связи с обращением прокурора было принято к производству 39 208 дел о взыскании невыплаченной заработной платы. И здесь возникает вопрос: если работодатель будет согласен выплатить заработную плату, то почему он не может «договориться» с прокурором, заключив мировое соглашение? Это невозможно, потому что в противном случае такая возможность противоречила бы целям и задачам прокуратуры, как органа, осуществляющего надзор за соблюдением прав и свобод граждан и исполнением законов Российской Федерации. Если прокурор заключит мировое соглашение, то это не позволит в дальнейшем привлечь работодателя к административной ответственности, а также простые граждане, в защиту интересов которых был подан иск, потеряют возможность обратиться в суд в случае повторения ситуации. Также это создаст правовую коллизию, то есть противоречие между нормами, регулирующими деятельность органов прокуратуры и нормами материального права.

Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что мировое соглашение позволяет быстрее решать сложившиеся вопросы между сторонами, однако в случае вступления в дело прокурора эта возможность ограничивается законом с целью реализации принципов организации органов прокуратуры и содействию выполнению ими возложенных надзорных функций.

¹ Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗРФ. 1997. № 1. Ст. 1.

² Речь идет о законодательстве, регулирующем судопроизводство, напр.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и т.д.

³ Ст. 118 Конституции Российской Федерации (принятой всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

⁴ Ст. 5 ГПК РФ.

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп. вступ. в силу с 01.02.2022) // СЗРФ. 2002. №46. Ст. 4532.

⁶ Глава 14.1 ГПК РФ.

⁷ См.: Там же. Ст. 153.3.

⁸ См.: Там же. Ст. 153.8.

⁹ Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции» // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896> (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁰ Прокурорский надзор: учебник для вузов / А.Ю. Винокуров, Ю.Е. Винокуров; под общей редакцией А.Ю. Винокурова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 380 с.

¹¹ Ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 01.07.2021).

¹² Ст. 45 ГПК РФ.

¹³ Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции» // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896> (дата обращения: 30.01.2022).

¹⁴ Гл. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 01.07.2021).

¹⁵ Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции» // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896> (дата обращения: 30.01.2022).

*Московский государственный
юридический университет имени
О.Е. Кутафина
Нагавкин Алексей Евгеньевич
E-mail: alehae03@list.ru*

*Kutafin Moscow State Law
University
Nagavkin Alexey Evgenievich
E-mail: alehae03@list.ru*

Поротикова Ксения Александровна

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Porotikova Ksenia Aleksandrovna

Voronezh State University, Voronezh

ON THE POSSIBILITY OF USING LEGAL EXPERTISE IN CIVIL PROCEEDINGS

Аннотация: *в настоящей статье анализируется дискуссионный вопрос о допустимости использования правовой экспертизы в цивилистическом процессе. Дается оценка заключениям о содержании норм иностранного права с точки зрения их отнесения к различным средствам доказывания.*

Abstract: *this article analyzes the debatable issue of the admissibility of the use of legal expertise in the civil process. The conclusions on the content of the norms of foreign law are evaluated from the point of view of their attribution to various means of proof.*

Ключевые слова: *заключение эксперта; доказывание; гражданский процесс; правовая экспертиза; содержание норм иностранного права.*

Key words: *expert opinion; proof; civil procedure; legal expertise; content of the norms of foreign law.*

В соответствии с ч. 1 ст. 55 ГПК РФ заключение эксперта представляет собой результат исследования, проведенного лицом, обладающим специальными знаниями, с целью получения новых сведений об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения дела.

Однако несмотря на возможность применения специальных знаний в ходе рассмотрения конкретных дел, вопрос о том, что

понимается под «специальными знаниями» остается в юридической доктрине дискуссионным.

В силу принципа *jura novit curia* («суд знает право») экспертизы по вопросам российского права назначаться не могут, на чем сделан акцент и в п. 8 Постановления ВАС РФ N 23¹. В соответствии с чем, большинство процессуалистов отграничивают специальные знания от области права, поскольку единственным «экспертом» по праву могут быть только судьи. «Из этого положения вытекает общепризнанный запрет назначения в гражданском, арбитражном процессах и административном судопроизводстве экспертизы для разрешения правовых вопросов, в том числе касающихся содержания и порядка применения норм иностранного права, поскольку эксперт привлекается судом для установления конкретных фактов, а не для разрешения вопросов права»².

Примечательно, что и на практике суды придерживаются подобной позиции. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ³ в своем определении отмечает, что задача суда сводится к исследованию свойств нормативного правового акта, полномочий органа, издавшего акт, выяснению соответствия оспариваемого нормативного правового акта другому нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, что прямо вытекает из положений ст. ст. 249, 251, 252 ГПК РФ. И, соответственно, по мысли Верховного Суда РФ, если вопросы, поставленные перед экспертом, касаются права и сводятся к толкованию и применению норм, то оснований для приостановления производства по делу для представления экспертного заключения у суда не имеется.

Тем не менее все более распространенной становится и противоположная точка зрения, в соответствии с которой к числу специальных знаний следует относить и знания, носящие правовой характер, связанные с положениями той или иной отрасли права и выходящие за пределы профессиональной специализацией судей, что влечет за собой возможность использования этих специальных знаний в форме консультации специалиста по правовым вопросам, которыми не владеют судьи, либо даже в форме проведения правовой экспертизы⁴.

Подобное мнение не лишено логики: с каждым годом наблюдается увеличение числа нормативных актов, регулирую-

щих различные общественные отношения, расширяется объем кодифицированных источников, возрастает сложность правовых отношений, что влечет за собой появление новых правовых конструкций и институтов. В связи с этим, на суд возлагается неоправданные ожидания: он должен не только успевать знакомиться с новеллами, но и детально в них разбираться. Добавим к сказанному, что судьи часто специализируются на рассмотрении отдельных категорий дел, по отдельным отраслям права, поэтому они не в состоянии полноценно изучать и правильно применять нормы иных отраслей.

Сторонники данного подхода указывают и на его закрепление на законодательном уровне.

Например, ранее в Законе о Конституционном Суде РФ нормы о вызове эксперта для дачи заключения по вопросам, касающимся рассматриваемого дела (ст. 63), т.е. по вопросам, носящим правовой характер, однако, сейчас эта норма изменена в пользу общего законодательного подхода, а именно заключения по вопросам российского права давать нельзя.

Поэтому на современном этапе остается единственное закрепленное в АПК РФ процессуальное правило, в пользу сторонников допустимости правовой экспертизы, в соответствии с которым для установления содержания норм иностранного права возможно привлечение экспертов (ч. 2 ст. 14 АПК РФ).

Однако природа и пределы использования такой правовой экспертизы практически никому не ясны.

Е.Р. Россинская предлагает к категории специальных юридических знаний относить те вопросы в рамках каждой отрасли права, которые не относятся к числу общеизвестных для практикующих юристов, наиболее часто используемых ими знаний⁵. Соответственно в каждой из отраслей права она предлагает условно очертить круг общеизвестных для практикующих юристов наиболее часто востребуемых ими знаний и специальных знаний⁶. И.Н. Лукьянова считает возможным использование специальных знаний в обеих формах с целью разрешения правовых вопросов, одновременно формулируя критерий, позволяющий отграничить экспертизу по правовым вопросам от заключения специалиста по аналогичным вопросам: специалист не должен решать вопрос о применимости конкретной нормы права к рас-

сма­три­вае­мо­му де­лу или о том, ка­ким об­ра­зом эта нор­ма дол­жна при­ме­няться в кон­крет­ном слу­чае⁷.

К со­жа­ле­нию, при ана­ли­зе вы­ше­при­ве­ден­ных мнений про­цес­суа­ли­стов мы не ви­дим кри­те­ри­ев раз­гра­ни­че­ния по­доб­ных спе­ци­аль­ных зна­ний от тех, ко­то­рые дол­жны от­но­ситься к ком­пе­тен­ции су­дей как спе­ци­а­ли­стов, зна­ю­щих и уме­ю­щих при­ме­нять нор­мы всех от­рас­лей пра­ва, и во­про­сов пра­во­во­го ха­рак­те­ра, для раз­ре­ше­ния ко­то­рых зна­ний су­дей не­до­статоч­ны и по­то­му не­об­хо­ди­мы зна­ния спе­ци­а­ли­стов бо­лее уз­ко­го про­фи­ля в той или иной от­рас­ли пра­ва. «Е­сли же чет­ко не об­оз­на­чить эту гра­ницу и пред­о­став­ить су­дьям воз­мож­ность по соб­ствен­но­му ус­мо­т­ре­нию ре­шать во­прос о не­об­хо­ди­мо­сти при­в­ле­че­ния спе­ци­а­ли­ста для ре­ше­ния пра­во­вых во­про­сов, де­ло мо­жет до­йти до то­го, что бу­дут на­зна­чать­ся экс­пер­ти­зы или по­лу­чать­ся кон­суль­та­ции спе­ци­а­ли­стов по лю­бым сколь­ко­ни­будь сло­ж­ным во­про­сам при­ме­не­ния нор­м пра­ва (пре­жде все­го ма­те­ри­аль­но­го, не толь­ко ино­стран­но­го, но и рос­сий­ско­го), кро­ме тех нор­м, ко­то­рые за­фик­си­ро­ва­ны в ко­ди­фи­ци­ро­ван­ных нор­ма­тив­ных ак­тах»⁸.

Глав­ным и труд­но оп­ро­вер­жи­мым до­во­дом в поль­зу недо­пу­сти­мо­сти пра­во­вой экс­пер­ти­зы на­до при­знать сле­ду­ю­щее со­об­ра­же­ние: экс­пер­ти­за яв­ля­ется сред­ством до­ка­зы­ва­ния, а до­ка­зы­вать мож­но толь­ко фак­ты. Сле­до­ва­тель­но, до­ка­зы­вать нор­мы (пра­во) в prin­ци­пе не­воз­мож­но.

Бо­лее то­го, в про­цес­су­аль­ном пла­не за­клю­че­ние экс­пер­та – са­мо­сто­я­тель­ное до­ка­за­тель­ство, ко­то­рое не име­ет пре­иму­ществ пе­ред дру­ги­ми. В след­ствии че­го, ис­хо­дя из prin­ци­па сво­бод­ной оцен­ки до­ка­за­тель­ств, оцен­ка до­сто­вер­но­сти по­доб­но­го за­клю­че­ния экс­пер­та, бу­дет вы­зы­вать оп­ре­де­лен­ные сло­ж­но­сти у су­дей, с уче­том то­го об­сто­я­тель­ства, что экс­пер­ти­за на­зна­чалась ими по­то­му, что са­ми они не мо­гут ре­шить во­прос, ка­са­ю­щий­ся со­дер­жа­ния и при­ме­не­ния к кон­крет­но­му слу­чаю оп­ре­де­лен­ных нор­м пра­ва. Со­от­вет­ствен­но, для них бу­дет весь­ма за­труд­ни­тель­но про­ана­ли­зи­ро­вать пра­виль­ность про­ве­ден­но­го экс­пер­том ис­сле­до­ва­ния по дан­но­му во­про­су.

От­ме­тим так же, что воз­мож­ность на­зна­че­ния су­деб­ной экс­пер­ти­зы с це­лью ус­та­нов­ле­ния со­дер­жа­ния нор­м ино­стран­но­го пра­ва пря­мо пред­ус­мо­т­ре­на абз. 1 ч. 2 ст. 14 АПК РФ, абз. 1 п. 2 ст. 1191 ГК РФ и абз. 2 п. 1 ст. 166 СК РФ, но не в ГПК РФ.

Это единственное исключение связано со спецификой иностранного права, к которому мы сначала на стадии установления его содержания относимся как к факту (тексту), а после – уже применяем как право.

Вызывает определенные трудности расхождение материальных и процессуальных норм, в той части, что закрепление способов установления содержания иностранного права в ГК РФ не находит подкрепления в ГПК РФ.

Тем не менее, эксперты фигурирующие в положениях ГК РФ и СК РФ не совсем те, о которых мы говорим с процессуальной точки зрения. В данном случае «эксперт» скорее предоставляет суду интересующую его информацию, руководствуясь исключительно своими знаниями в виде констатации определенных научных положений безотносительно к конкретным обстоятельствам дела.

То есть он не проводит специальное исследование по итогам которого делает вывод о том, каким образом норма права должна быть применена к конкретным фактическим обстоятельствам (в противном случае такое заключение эксперта по сути будет являться подменой решения суда). Его роль сводится к констатации содержания тех или иных положений зарубежного законодательства, подлежащих применению в конкретном деле, что по своей сути соответствует, скорее, даче консультации специалистом, нежели проведению судебной экспертизы экспертом.

Опираясь на сказанное, можно заключить, что в гражданском процессе существует только один пример для допустимого доказывания права – это область коллизионных норм и применимого иностранного правопорядка. Вместе с тем, даже в этом случае не корректно вести речь об экспертизе, а более правильно было бы говорить о заключении специалиста.

¹ «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 N 23. Вестник ВАС РФ, N 6, июнь, 2014.

² Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова и др.; под ред. М.А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 656 с.

³ Определение Верховного Суда РФ от 3 февраля 2010 г. N 46-Г09-27 // СПС "КонсультантПлюс".

⁴ Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. Россинская Е.Р., 2005. С. 12–18; Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. Теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации; Филиппов П.М., Мохов А.А. Использование специальных знаний в судопроизводстве России. Волгоград, 2003. С. 27–35.

⁵ Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. Россинская Е.Р. С. 14. 535 с.

⁶ «Настольная книга судьи: судебная экспертиза» Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Москва: Проспект, 2011. 464 с.

⁷ «Экспертиза в арбитражном процессе». Лукьянова И.Н. // Защита прав граждан и юридических лиц в российском и зарубежном праве (проблемы теории и практики): Сб. статей и тезисов аспирантов и молодых ученых. С. 131. 132 с.

⁸ Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова и др.; под ред. М.А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 656 с.

*Воронежский государственный
университет
Поротикова Ксения
Александровна
E-mail: porotikova00@inbox.ru*

*Voronezh State University
Porotikova Ksenia Alexandrovna
E-mail: porotikova00@inbox.ru*

Ромаданова Аэлига Сгепановна

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

ЦИФРОВЫЕ И ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Romadanova Aelita Stepanovna

Saratov state Legal academy, Saratov

DIGITAL AND ELECTRONIC EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDING

Аннотация: в статье рассматривается соотношение понятий «электронное доказательство» и «цифровое доказательство», их характерные черты, а также проблемы применения таких средств доказывания на практике. На основе анализа нормативной базы, констатируется отсутствие установленной законом возможности применения этих разновидностей доказательств, обоснована потребность в правовом регулировании порядка представления, исследования и фиксации электронных и цифровых доказательств.

Abstract: The article examines relation between concepts of “electronic evidence” and “digital evidence”, their characteristics. Also this article discusses problems of using such means of proof in practice. Based on the analysis of the regulatory framework, the absence of the statutory possibility of using these types of evidence is stated, the necessity for legal regulation of the procedure for presenting, researching and fixing electronic and digital evidence is substantiated.

Ключевые слова: гражданский процесс, электронное доказательство, цифровое доказательство, проблемы применения.

Key words: civil procedure, electronic evidence, digital evidence, application problems.

В настоящее время активно идет процесс цифровизации судебной системы. Суды все легче принимают «технологичные» доказательства. К материалам дела приобщают скриншоты переписки, Интернет-страниц, видеозаписи, аудиозаписи, фотографии, электронные документы, файлы и программы. Развитие технологий расширило для юристов возможности получения и обеспечения сведений о фактах в нетрадиционном формате. В связи с этим актуальность приобретают вопросы о различиях между электронными и цифровыми доказательствами, о потенциальной возможности легализации их применения в судебной практике.

Согласно п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. «149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» электронный документ определяется как «документированная информация, представленная в электронной форме, т.е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах»¹. Электронный документ может использоваться для заключения гражданско-правового договора в простой письменной форме. В таком случае он должен содержать информацию, подготовленную, отправленную, полученную или хранимую с помощью электронных, магнитных, оптических либо аналогичных средств, включая обмен информацией в электронной форме и электронную почту.

Следует отметить, что Российская Федерация подписала Конвенцию ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах от 23 ноября 2005 г. В данном документе, в частности, указано, что сообщение или договор не могут быть лишены действительности или исковой силы на том лишь основании, что они составлены в форме электронного сообщения. В данной Конвенции даются определения понятий «сообщение», «электронное сообщение», «составитель электронного сообщения», «адресат», устанавливаются порядок определения времени и места отправления и получения электронных сообщений, порядок исправления ошибок в электронных сообщениях. Таким образом, из всего вышесказанного следует, что такое

понятие как «электронный документ» постепенно внедряется и закрепляется в нормативной базе, однако не имеет универсального толкования применительно ко всем отраслям права, в том числе процессуальным. Статья 71 Гражданского процессуального кодекса РФ содержит упоминание о материалах, выполненных в форме цифровой, графической записи, в том числе полученных посредством факсимильной, электронной или иной связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", а также о документах, подписанных электронной подписью в установленном порядке, либо выполненных иным способом, позволяющим установить достоверность документа². Таким образом, ГПК электронный документ приравнивает к письменным доказательствам, однако он имеет определенные признаки, а именно:

- содержит упорядоченную совокупность электронных данных, включая метаданные либо архивные записи;
- должен быть выполнен в форме цифровой, графической записи, не имеет бумажного оригинала;
- должен быть подписан электронной подписью (либо удостоверен иным образом)
- получен посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Электронный документ может существовать на одном или нескольких носителях, легко поддается изменению, может быть исследован при помощи технических устройств, однако в настоящее время наиболее распространенным способом является изучение содержания электронного документа, распечатанного на бумажном носителе, что сближает его с письменным доказательством³. Проблема заключается в очень узком использовании потенциала электронных документов из-за невозможности использования судьями программ, позволяющих установить метаданные документа, то есть невидимую информацию о файле (время создания и изменения документа, его автор и редактор, технические характеристики). Метаданные имеют самостоятельное доказательственное значение для дела.

Электронные материалы не сводятся лишь к электронным документам. Следующий аспект проблемы заключается в ис-

пользовании в качестве доказательств незаверенных скриншотов переписки, аудиозаписей (в том числе голосовых сообщений), видеозаписей с мобильного телефона в силу отсутствия системы требований к их достоверности, обеспечения и правил исследования и оценки. Кроме того, закон не предусматривает дистанционных способов исследования информационных ресурсов судом, что существенным образом облегчило бы фиксацию информации на сетевых электронных носителях.

В то время пока судебная практика адаптируется к применению подобных электронных материалов в судебных разбирательствах гражданских дел, формируется конкурирующий электронным материалам и более высокотехнологичный тип информации. Речь идет о цифровых материалах, создаваемых в виде программ и нетекстовых файлов: глобальных навигационных систем ГЛОНАСС или служебных программ РЖД, динамических программ индивидуализации, операционных систем, порталов, смарт-контрактов. Цифровое доказательство – это такой вид доказательств, который имеет форму кодов или непосредственно программ и заключается в информации, которую несут эти коды и программные манёвры. Особенность этих материалов состоит в том, что их исследование возможно только с помощью специальных технологий⁴. Их практически невозможно перевести в письменный вид, поскольку одни программы проявляют свое доказательственное значение непосредственно в ходе их эксплуатации и содержат наглядный объемный пласт информации, неподдающийся распечатке, другие программы при распечатке приобретают вид набора кодов и знаков, которые судья не сможет верно истолковать в силу своей некомпетентности в вопросах информационных технологий и языков программирования. Наглядным примером послужит ситуация из настоящей судебной практики. Лебедянский районный суд Липецкой области в решении от 13 марта 2014 г. № 2-119/2014 признал увольнение водителя обоснованным. При этом арбитры отметили, что порядок применения дисциплинарного взыскания к сотруднику нарушен не был. Доказать правомерность увольнения помогла система ГЛОНАСС. Она установила, что пробег автобуса по графику (199,4 км) не совпадает с фактическим пробегом (123,95 км.). В связи, с чем водитель совершил 10

рейсов, а в билетно-учетном листе отметил, что сделал 13. Объяснил сотрудник это нехваткой бензина в баке. Однако соответствующие расчеты и замеры доказали, что топлива должно было хватить на 15 рейсов. В итоге то, что автобус был заправлен недостаточным количеством топлива, в суде подтверждено не было. Данный пример иллюстрирует применение смешанного доказательства, сведения которого получены из цифровых и бумажных источников и дополняют друг друга. Таким образом, назревает необходимость дифференциации электронных и цифровых доказательств.

Степень изученности поставленной проблемы может быть охарактеризована как фрагментарная и хаотичная, базирующаяся на отождествлении понятий «электронный документ», «электронное доказательство», «цифровое доказательство». Использование методов анализа, синтеза, сравнительно-правового метода, метода двоичности информации позволяет сформулировать дефиниции «электронного» и «цифрового» доказательства, а также обосновать их признаки. Полученный в ходе исследования результат обладает новизной и может быть использован в дальнейших научных разработках.

¹ Федеральный закон от 27.06.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Правовой Сервер Консультант Плюс, URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=50ig9xSkr9K0ddsH2&cacheid=74E8D90F38B3DA0A615070A90EF29631&mode=spluss&base=LAW&n=406140#d7jg9xS5zV3v9fs> (дата обращения: 11.02.2022)

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. №138-ФЗ // Правовой Сервис КонсультантПлюс, URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=BEFE5w&base=LAW&n=388703&cacheid=B6D8A175F6543663F33B4AE2EC27D9DF&mode=rubr#2giC9xS4iafShlml1>

³ Нахова Е.А. Проблемы электронных доказательств в гражданском процессе / Е.А. Нахова // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-elektronnyh-dokazatelstv-v-tsivilisticheskom-protsesse> (дата обращения: 12.02.2022)

⁴ Новицкий В.А., Новицкая Л.Ю. Понятие и виды цифровых доказательств / В.А. Новицкий, Л.Ю. Новицкая // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-tsifrovyyh-dokazatelstv> (дата обращения: 12.02.2022)

Саратовская государственная юридическая академия *Saratov state Legal academy*
Ромаданова Аэлита Степановна *Romadanova Aelita Stepanovna*
E-mail: aelitaromadanova@yandex.ru

Соловьев Сергей Сергеевич

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск*

ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Solovyov Sergey Sergeevich

*Omsk State University named after F.M. Dostoevsky,
Omsk*

ADMISSIBILITY OF EVIDENCE IN CIVIL PROCEEDINGS

Аннотация: *В статье рассмотрена современная проблематика состязательности в части доказательств в гражданском процессе.*

Annotation: *The article examines the modern problems of adversarial evidence in civil proceedings.*

Ключевые слова: *гражданский процесс, допустимость, доказательства, гражданское судопроизводство.*

Key words: *civil procedure, admissibility, evidence, civil proceedings.*

Актуальность данной темы заключается в том, что на современном этапе развития доказательственного права происходит усиление начал состязательности в гражданском процессе, а также она обуславливается совершенствованием и реформированием процессуального законодательства¹.

В соответствии с ч. 1 ст. 55 ГПК РФ доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Согласно п. 3 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (статьи 55, 59–61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов.

Часть 2 ст. 50 Конституции РФ гласит, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона².

Это значит, что доказательства в гражданском процессе должны быть допустимыми.

К порядку сбора и закрепления доказательств в гражданском процессе применяется п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 N 8 (ред. от 03.03.2015) "О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия".

Правило о допустимости доказательств в гражданском процессе содержится в ст. 55 ГПК РФ. На основании императивных положений данной нормы можно сделать вывод, что получение необходимых для рассмотрения дела сведений допускается исключительно законным путем. Это значит, что доказательство, хоть и подтверждающее конкретные обстоятельства, но полученное с нарушением закона, подлежат исключению из материалов дела.

Общий характер допустимости означает, что по всем делам независимо от их категории должно соблюдаться требование о получении информации из определенных законных средств доказывания с соблюдением порядка собирания, представления и исследования доказательств³.

Применительно к тому, является ли правило допустимости ограничением в доказывании и препятствием в реализации принципа состязательности, следует отметить, что правило допустимости является таким ограничением. Специфика заключается именно в том, что несоблюдение правила допустимости доказательств влечет за собой непригодность доказательств, что,

в свою очередь, умаляет права использования доказательств одной или другой из сторон. Но в общем и в целом этот механизм создает определенные правила, прописанные в законе, которыми должны руководствоваться стороны по делу. Говоря о препятствии в реализации принципа состязательности, можно сказать следующее: принцип состязательности подразумевает собой то, что две стороны противопоставлены друг другу в зависимости от того, какие интересы они преследуют. Но не стоит забывать о том, что доказательственная деятельность должна осуществляться в соответствии с требованиями закона (ч. 2 ст. 55 ГПК РФ), который в некоторых случаях налагает на участников гражданского судопроизводства ограничения и запреты в интересах сторон спорного правоотношения и правосудия в целом⁴. Поэтому установленные ограничения доказательственной деятельности носят оправданный характер, что в свою очередь на мой взгляд справедливо.

Согласно ст. 60 ГПК РФ обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами.

Из содержания ст. 60, ст. 67 ГПК РФ следует, например, что суд, исследуя письменные доказательства, обязан установить их подлинность, проверить их составление и подписание уполномоченным лицом с соблюдением требований, предъявляемых законом (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.03.2016 № 5-КГ 12-213).

Направлениями реализации принципа допустимости доказательств выступают:

- 1) Надлежащий субъектный состав лиц, осуществляющих процессуальные действия по доказыванию;
- 2) Надлежащий источник фактических данных;
- 3) Соблюдение процессуального порядка собирания, представления и исследования доказательств;
- 4) Установленные законом пределы доказывания на стадиях судопроизводства⁵.

Такое положение требования закона предусматривает обязательное соблюдение формы полученных сведений, а также непосредственно вид самого документа. Так, например, в делах о

признании гражданина недееспособным важно не только заключение эксперта, но и другие средства доказывания, такие как показания свидетелей, письменные доказательства в виде выписки из истории болезни и другие. Допустимость доказательств – это обладание доказательством такой юридической силой, которая путем приведения ее в надлежащую форму в процессе собирания с соблюдением требований закона, позволяет использовать такое доказательство в обоснование своей позиции по гражданскому делу.

Допустимость доказательств устанавливается в ходе их оценки по правилам ст. 67 ГПК РФ.

Исходя из всего выше сказанного можно сказать, что таким образом, для гражданского процесса важно не только соблюдение порядка получения доказательств, но и правил, предъявляемых к формату документов и получаемых сведений.

¹ Маслак И.Н. Некоторые проблемы доказывания в гражданском судопроизводстве. Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина Россия, г. Краснодар. 2020 С. 2.

² Конституция Российской Федерации // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.

³ Гражданский процесс: учеб. для студ. высш. Юрид. Учеб. завед. / отв. Ред. В.В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. С. 187.

⁴ Ю.В. Кайзер, В.А. Колбина к вопросу о соотношении правила допустимости доказательств, принципа состязательности и достижения истины по делу в гражданском судопроизводстве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. №2 (55). С. 128–134 С. 130.

⁵ М.А. Фокина Совершенствование правового регулирования доказывания по гражданским делам: вопросы унификации // Современное право. 2015. №9. С 5.

*Омский государственный
университет
им. Ф.М. Достоевского
Соловьев Сергей Сергеевич
E-mail: Solo19982011@mail.ru*

*Omsk State University named after
F.M. Dostoevsky
Solovyov Sergey Sergeevich
E-mail: Solo19982011@mail.ru*

Стерликова Вероника Сергеевна

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,

г. Тамбов

**ПРАВО ГРАЖДАН НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ
И ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

Sterlikova Veronika Sergeevna

Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov

**RIGHT OF CITIZENS TO JUDICIAL PROTECTION
AND PRINCIPLES OF CIVIL PROCEEDINGS UNDER
THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES**

Аннотация: *Российское гражданско-процессуальное законодательство и гражданско-процессуальное законодательство зарубежных стран предусматривает наличие права заинтересованных лиц обращаться в суд за защитой своего права. В некоторых случаях указанное право закреплено в кодифицированном нормативно-правовом акте, в иных случаях – исходит из сущности иных норм. В статье рассмотрено гражданское процессуальное право Франции, КНР и Великобритании. На основании изученного материала сделан вывод о том, что некоторые принципы осуществления гражданского процесса в указанных странах идентичны (например, принцип равенства). Иные принципы подчеркивают уникальность гражданского процесса конкретной страны (например, принцип активной роли суда и принцип сотрудничества сторон во Франции; принцип коллегиальности в Китае; принцип процессуального формализма в Великобритании).*

Annotation: *The Russian civil procedural legislation and the civil procedural legislation of foreign countries provide for the right of interested persons to apply to the court for the protection of their rights. In some cases, this right is enshrined in a codified legal act,*

in other cases it proceeds from the essence of other norms. The article considers the civil procedural legislation of France, China and Great Britain. Based on the studied material, it was concluded that some principles of the implementation of the civil process in these countries are identical (for example, the principle of equality). Other principles emphasize the uniqueness of the civil process of a particular country (for example, the principle of the active role of the court and the principle of cooperation of the parties in France; the principle of collegiality in China; the principle of procedural formalism in the UK).

Ключевые слова: *право на судебную защиту, принципы гражданского процесса, судебная защита, гражданский процесс.*

Key words: *right to judicial protection, principles of civil procedure, judicial protection, civil procedure.*

Право на судебную защиту в рамках гражданского производства в отечественном праве предусмотрено ст.3 Гражданско-процессуального кодекса РФ, в которой указано: «заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов»¹. При этом необходимо заметить, что законодатель однозначно указывает, что данное право является неотъемлемым, в связи с чем отказ от права на обращение в суд является недействительным.

Право на судебную защиту в гражданском процессе включает в себя два правомочия заинтересованного лица: право на обращение в суд с исковым заявлением и право на правильное и справедливое судебное разбирательство.

Право на судебную защиту также закреплено в ряде международных договоров, в том числе во Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) (ст.8)², Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (ст. 6)³, Международном Пакте о гражданских и политических правах 1966. (ст. 14)⁴.

Остановимся подробнее на рассмотрении указанного права в рамках гражданско-процессуального права зарубежных стран.

Франция. Осуществление гражданского судопроизводства осуществляется на основе Гражданского процессуального кодекса Франции, состоящего из шести книг. Право обращения лица в суд за судебной защитой предусмотрено книгой I указанного Кодекса.

Законодатель также указывает, что лицо, которое обращается в суд с целью затягивания сроков, может быть подвергнуто наложению штрафа до 3000 евро, так как данное деяние будет рассматриваться как злоупотребление процессуальным правом.

В целях обеспечения реализации гражданами права на судебную защиту в рамках гражданского процесса Гражданский процессуальный кодекс Франции предусматривает ряд принципов:

1. принцип диспозитивности и равенства сторон. Исходя из данного принципа, лишь стороны могут инициировать судебное разбирательство, хотя французскому законодательству известны исключения из этого правила.

2. принцип руководящей роли суда в ходе судебного процесса;

3. принцип непосредственного и полного исследования обстоятельств рассматриваемого дела судом;

4. принцип распределения обязанности доказывания. Лицо должно доказать те обстоятельства, на которые оно ссылается, либо опровергнуть доказательства своего оппонента.

5. принцип активной роли суда в сборе и исследовании доказательств. Действующее гражданско-процессуальное законодательство России не предусматривает такого принципа, заменяя его на принцип состязательности сторон. В данном случае отечественный законодатель исходит из принципа равенства сторон, а также из сущности гражданских правоотношений, в которых стороны взаимодействуют в условиях координации, а не субординации. Тем не менее, принцип активной роли суда предусмотрен в административном судопроизводстве.

6. принцип сотрудничества сторон;

7. принцип разрешения судом спора в соответствии с применимыми нормами права;

8. принцип состязательности;

9. принцип свободы выбора сторонами способа защиты. В российском гражданско-процессуальном законодательстве данное положение не выделяется в качестве принципа, однако также предусматривается возможность лица воспользоваться помощью представителя.

10. принцип содействия примирению сторон;

11. принцип языка судебного разбирательства;

12. принцип уважения к закону и суду.

Китайская Народная Республика. Гражданско-процессуальное право Китая кодифицировано. Стоит отметить, что в Гражданском процессуальном кодексе КНР отдельно не выделяется право заинтересованных лиц обращаться в суд за защитой своих прав, однако данное право исходит задач указанного Кодекса, закрепленных в ст.2 данного нормативно-правового акта. В то же время А.В. Сапега в своей статье указывает, что «в соответствии с национальными традициями Китая, для разрешения гражданских дел население редко обращается в суд, предпочитая негосударственные, неформальные методы разрешения споров»⁵.

Можно выделить следующие принципы осуществления гражданского судопроизводства:

1. Принцип равенства. В соответствии Гражданским процессуальным кодексом КНР, «стороны гражданского процесса обладают равными процессуальными правами»⁶.

2. Принцип национального языка судопроизводства. Заметим, что судебный процесс ведется на национальном языке также и в том случае, если в судебном процессе участвуют иностранные лица. В случае необходимости сторонам может быть предоставлен переводчик. Расходы на услуги переводчика несут стороны.

3. Принцип гласности;

4. Принцип коллегиальности. Гражданские дела рассматриваются в суде первой инстанции коллегиально. Стоит отметить, что в отечественном гражданском процессуальном законодательстве действует принцип сочетания единоличного и коллегиального состава суда при разрешении споров. Гражданские дела в суде первой инстанции рассматриваются судом единолично.

5. Принцип независимости суда.

Стоит отметить, что Гражданский процессуальный кодекс КНР не предусматривает кассационного пересмотра решения суда, указанная стадия судебного разбирательства отсутствует. Решение, принятое судом второй инстанции, является окончательным.

Великобритания. Указанное государство относится к англо-саксонской правовой семье, поэтому там отсутствует кодифицированные нормативно-правовой акт, регулирующий осуществление гражданского процесса. Некоторые гражданско-процессуальные нормы содержатся в Правилах гражданского судопроизводства. Заинтересованное лицо имеет право обратиться за защитой своего права в суд.

Английский гражданский процесс подчиняется следующим принципам:

Принцип гласности судопроизводства;

Принцип равенства прав сторон гражданского процесса;

Принцип диспозитивности;

Принцип состязательности;

Принцип процессуального формализма.

Стоит отметить, что практически все судебные дела по существу в первой инстанции рассматривает судья единолично.

Как замечает в своей статье Я.С. Бутакова, «еще одной значимой отличительной чертой английского судебного процесса является допустимость показаний с чужих слов»⁷.

Подводя итоги рассмотрения права граждан на судебную защиту и принципов гражданского процесса по законодательству зарубежных стран, можно сделать вывод о том, что гражданско-процессуальное законодательство зарубежных стран предусматривает наличие права заинтересованных лиц обращаться в суд за защитой своего права. В некоторых случаях указанное право закреплено в кодифицированном нормативно-правовом акте, в иных случаях – исходит из сущности иных норм. Нами было рассмотрено гражданское процессуальное право Франции, КНР и Великобритании. На основании изученного материала очевидным является тот факт, что некоторые принципы осуществления гражданского процесса в указанных странах идентичны (например, принцип равенства). Иные принципы подчеркивают уникальность гражданского процесса конкретной страны (на-

пример, принцип активной роли суда и принцип сотрудничества сторон во Франции; принцип коллегиальности в Китае).

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. № 67.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

⁵ Сапега А.В. Особенности гражданского судопроизводства в Китайской Народной Республике // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2012. № 4(61). С. 103.

⁶ Гражданский процессуальный кодекс КНР (принят на 4-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 7-го созыва 9 апреля 1991 г., изменен в соответствии с Решением Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс КНР» 28 октября 2007 г.) // Законодательство Китая. URL: https://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_civil_procedure.

⁷ Бутакова Я.С. Особенности английского гражданского процесса // Международное право. 2021. № 1. С. 54–69.

*Тамбовский государственный
университет имени
Г.Р. Державина
Стерликова Вероника Сергеевна
E-mail: sterlikova1998@mail.ru*

*Tambov State University named
after G.R. Derzhavin
Sterlikova Veronika Sergeevna
E-mail: sterlikova1998@mail.ru*

Труханов Денис Дмитриевич

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

ПРИМЕНЕНИЕ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Trukhanov Denis Dmitrievich

Saratov State Law Academy, Saratov

APPLICATION OF DOCTRINAL PROVISIONS IN CIVIL PROCEEDINGS

Аннотация: в статье анализируется вопрос допустимости применения судами доктринальных положений при мотивировке судебных решений по гражданским делам. Особое внимание обращено на значение доктринальных положений в правоприменительной деятельности. В результате проведенного исследования были обозначены существенные недостатки конструкций норм, закрепленных в ст.11 и 195 ГПК РФ, предложены пути разрешения выявленных проблем.

Abstract: the article analyzes the question of the admissibility of the application of doctrinal provisions by courts in the motivation of court decisions in civil cases. Special attention is paid to the importance of doctrinal provisions in law enforcement. As a result of the study, significant design flaws of the norms enshrined in Articles 11 and 195 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation were identified, and ways to resolve the identified problems were proposed.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, правовая доктрина, требования к судебному решению.

Key words: civil proceedings, legal doctrine, requirements for a judicial decision.

Вопрос о применении правовой доктрины при всей своей актуальности и значимости остается дискуссионным. Отсутствие

однозначного и общепризнанного подхода к пониманию правовой доктрины как источника права связано в первую очередь с приверженностью государства к определенной правовой семье. Так, правовая доктрина — считалась и считается в течение длительного времени характерным источником права для англосаксонской правовой семьи. В романо-германской правовой семье правовая доктрина потеряла своё былое правовое значение. Например, для правовой системы Российской Федерации данный источник в целом не характерен¹.

Традиционно в качестве источников гражданского процессуального права России называют: международные договоры, нормативные правовые акты². Однако многие ученые в качестве еще одного «нетипичного» источника называют правовую доктрину. Под правовой доктриной следует понимать – систему идей, взглядов и положений основополагающего и концептуального характера, которые разрабатываются юридической наукой, опосредованы юридической практикой и в силу этого имеют общезначимый характер для правовой системы, так как основываются на общепризнанных принципах и ценностях, отражают закономерности и тенденции государственно-правового развития страны, разделяются авторитетным мнением ученых-юристов и, таким образом, формируют определенный тип правопонимания, в соответствии с которым функционирует и развивается правовая система³.

Но несмотря на непризнание правовой доктрины официальным источником, она широко применяется и имеет важнейшее значение в правоприменительной практике. Рассмотрим применение правовой доктрины на конкретных примерах. Согласно п.1 ч.2 ст.28 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). малолетние в возрасте от шести до четырнадцати лет вправе самостоятельно совершать: мелкие бытовые сделки⁴. Однако определения мелкой бытовой сделки не дается в нормативных правовых актах, также отсутствуют разъяснения Пленума Верховного суда РФ по этому вопросу. В свою очередь, разрешить дело об оспаривание сделки, совершённой несовершеннолетним, невозможно, не имея представления о характере и сущности названного понятия. Но суды для преодоления сложившегося пробела прибегают к применению правовой доктри-

ны. Например, в мотивировочной части решения судьи нередко причисляет признаки мелкой бытовой сделки, тем самым, применяет общепризнанное доктринальное толкование данного определения, позволившее принять решение по делу⁵.

В качестве иного примера применения доктрины в судебной практике можно назвать принцип добросовестности, закрепленный в п.3, 4 ст.1 ГК РФ. Его появление в ст.1 ГК РФ в 2013 г. явилось одним из результатов реформирования гражданского законодательства. Однако такое изменение не являлось коренным, поскольку категория «добросовестности», выработанная учеными-цивиристами, была известна гражданскому праву и активно применялась в судебной практике. Так, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее – ВАС РФ) до принятия поправок в ГК РФ выразил свою позицию в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 25 октября 008 N 127 «Обзор практики применения арбитражными судами ст.10 Гражданского кодекса Российской Федерации» в отношении добросовестности и злоупотребления правом и фактически установил определенные правила применения судебной защиты в зависимости от действительных намерений лица, обращающего в суд, вопреки формальному содержанию нормы закона. До внесения дополнений в ст.1 ГК РФ принцип добросовестности извлекался судами через правовую доктрину посредством применения аналогии норм п.2 ст.6 и п.3 ст.10 ГК РФ в прежней редакции, устанавливавших презумпцию разумности действий и добросовестности участников гражданских правоотношений⁶.

Использование доктрины, как средство мотивировки решения, наиболее распространено в арбитражной практике. Например, судья Арбитражного суда города Москвы А.А. Гречишкин, рассматривая лизинговые споры дополнительно аргументирует свою позицию ссылкой на работу М.И. Брагинского и В.В. Витрянского «Договорное право: Общие положения». (решения по делам: № А40-9344/10-109-75; А40-4781/11-109-26; А40-70099/12-109-232). Также и судья Арбитражного суда города Москвы О.И. Шведко, рассуждая о пределах действия арбитражной оговорки, также обращается к работам В.В. Витрянского и М.Г. Розенберга, правда, не называя источников этих работ (решение по делу № А40-41781/13-69-197)⁷.

Анализируя приведенные примеры, справедлив, вывод о том, что правовая доктрина имеет важнейшее значение для правоприменительной деятельности. Ссылаясь на мнение авторитетных ученых, суд может растолковывать многие нормы гражданского права, разграничивать правовые институты и субинституты, так как доктрина дает дефиниции многим гражданско-правовым понятиям, не имеющим законодательного или судебного толкования, является своего рода комментарием к определенной норме гражданского права. К тому же существует множество примеров, когда общепризнанные концепции ученых-цивилистов находили свое непосредственное отражение в нормативных правовых актах. Таким образом, полагаем, что доктрина служит эффективным способом унификации судебной практики.

На наш взгляд, в использовании доктрины, несомненно, есть определенные преимущества. Она придает точность, согласованность и ясность структуры решения, поддерживает справедливость и нравственность посредством толкования закона по-новому, повышает доверия к закону.

Очевидно, что законодатель, формулируя норму, не способен предвидеть все возможные случаи. Судьи зависимы от рассматриваемого дела, не иницируя предмет судебной тяжбы и будучи зависимы от фактов и подлежащей применению правовой нормы. Однако в этом процессе они нуждаются в толковании, т.е. сталкиваются с необходимостью проявлять творчество. Имея возможность использовать хорошо разработанные теории права методы толкования, суд сможет применять наиболее подходящие из них к рассматриваемому делу, получая из применяемой нормы права различные выводы, необходимые для правильного разрешения дела.

Обращаясь к зарубежной практике, стоит отметить, что использование правовой доктрины судами романо-германской правовой системы имеет свое распространение. Так, федеральный конституционный суд Германии в известном решении по делу «Princess Soraya» указал: Справедливость не всегда тождественна совокупности письменных законов. При определенных обстоятельствах право может существовать вне тех позитивных норм, которые принимает государство. Задача судьи не сводится

к установлению и исполнению законодательных решений. Ему, возможно, придется сделать оценочное суждение (акт, который обязательно имеет волевые элементы); т.е. выявлять и реализовывать в своих решениях те ценностные концепции, которые присущи конституционному правопорядку, но которые не выражены или неадекватно выражены на языке письменных законов. Там, где письменный закон неудавшийся, решение судьи заполняет существующий пробел, используя здравый смысл и общие концепции справедливости, принятые обществом⁸.

На наш взгляд, способность судей применить в практике фундаментальные правовые знания влияет на усиление правовой аргументации, что важно с точки ее воздействия на эффективность правоприменения.

Тем не менее, вопрос о допустимости использования правовой доктрины остаётся открытым. Существующая законодательная конструкция норм ГПК РФ не позволяют использовать доктрину в качестве мотивировки решений. О несовершенстве норм ГПК РФ говорит и то, что суд ограничен в источниках при разрешении дел, что вытекает из ст.11 ГПК РФ. При этом сами нормы материального права в случаях, предусмотренных законом, позволяют использовать более обширный перечень источников, например, правовой обычай и даже нормы морали. Так, соответствии со ст. 169 ГК РФ сделка может быть признана ничтожной, если она совершенная с целью, заведомо противной основам нравственности. Возникает еще одна спорная ситуация, при которой материальные правоотношения могут регулироваться иными источниками права, но суд при разрешении споров, возникающих из подобных правоотношений, фактически не может использовать такие источники. В связи с этим суд прибегает к доктрине, которая не только устраняет пробелы в законодательстве, но и растолковывает указанные нормы.

В ст.17 Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации содержится норма, которая косвенно позволяет правоприменителю ссылаться на доктрину. Так, в соответствии с указанной статьей судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью⁹. Считаем, что необходимо использовать подобную конструкцию и в нормах ГПК РФ, в частности, внести изменения

в ст.11 и ст.195 ГПК РФ. Дополнить последнюю, что суд выносит решение руководствуясь при этом законом и своим внутренним убеждением. При этом Пленуму ВС РФ следует разъяснить, что внутренне убеждение должно строиться на общепризнанных доктринальных концепциях, и определить критерии допустимости использования внутреннего убеждения при вынесении решения. Например, справедливо, указать, что средствами мотивировки решений могут служить труды ученых-юристов, обладающий признанной высокой квалификацией в области права, т.е. докторов юридических наук. Указанные меры, наш взгляд, станут правовыми основами использования доктрины и, в целом, повысят качество осуществления правосудия.

¹ Мадаев Е.О. Место и роль правовой доктрины в правовой системе Российской Федерации // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2015. С. 78–82.

² Гражданский процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. – 8-е изд., пераб. и доп. М. 2012. С. 16.

³ Рыженков А.Я., Яковлева О.А. Нетипичные источники права // Проблемы экономики и юридической практике. 2012. С. 60–62.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть I) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5123.

⁵ Решение Мирowego судьи судебного участка № 4 г. Саров (Нижегородской область) от 17 апреля 2013 г. по делу № 2-205/2013 URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/OI6238ngaбрt/> (дата обращения: 05.11.2021); Решение Октябрьского районного суда г. Самары (Самарская область) № 2-954/2016 2-954/2016~М-187/2016 М-187/2016 от 15 февраля 2016 г. по делу № 2-954/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8lUEk8Mk1sUX/> (дата обращения: 05.11.2021).

⁶ Комментарий к изменениям в часть первую ГК РФ, внесенным Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499024520> (дата обращения: 05.11.2021).

⁷ Доктрина права как источник аргументации судебного акта. URL: https://zakon.ru/blog/2013/07/08/doktrina_prava_kak_istochnik_argumentacii_sudebnogo_akta (дата обращения: 05.11.2021).

⁸ Избранные решения федерального конституционного суда Германии / отв. ред. К. Кроуфорд. М. 2018. С. 995–997.

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921; 2021. №27 (часть I). Ст.5122.

*Саратовская государственная
юридическая академия
Труханов Денис Дмитриевич
E-mail: trukhanov.2000@mail.ru*

*Saratov State Law Academy
Trukhanov Denis Dmitrievich
E-mail: trukhanov.2000@mail.ru*

Уменушкина Ольга Константиновна

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

СВИДЕТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ

Umenushkina Olga Konstantinovna

Saratov State Law Academy, Saratov

WITNESS IMMUNITY OF THE CLERGY

Аннотация: *проблемы свидетельского иммунитета священнослужителей относятся к числу дискуссионных и спорных. Анализируется правовая регламентация отказа священнослужителя от дачи показаний. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования ряда положений о свидетельском иммунитете священнослужителей.*

Abstract: *the problems of witness immunity of clergymen are among the controversial and controversial. The legal regulation of a clergyman's refusal to testify is analyzed. The author comes to the conclusion that it is necessary to improve a number of provisions on the witness immunity of clergymen.*

Ключевые слова: *иммунитет, свидетель, право, обязанность, тайна, исповедь, отказ от дачи показаний.*

Key words: *immunity, witness, right, duty, secrecy, confession, refusal to testify.*

В гражданском судопроизводстве свидетельские показания занимают одно из центральных мест в процессе доказывания, признаются основным средством доказывания, необходимым для установления обстоятельств дела. Показания свидетелей, характеризующиеся особой природой, относятся к числу древнейших средств доказывания. Естественное стремление человека говорить правду оказывает прямое влияние на достоверность сообщаемых им сведений. Допуская возможность их фальсифи-

кации как доказательства по различным причинам, нельзя отрицать и достоверность этого источника информации, как необходимого средства по установлению истины в суде.

Исходя из положений действующего процессуального законодательства Российской Федерации, в обобщенном виде, свидетель – это физическое лицо, вызываемое в суд для сообщения сведений о фактах, ставших ему известными в силу непосредственного восприятия или в силу передачи ему информации другими лицами¹.

В статье 69 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) рассматривается вопрос о том, кто может быть свидетелем, кто не имеет этого права, и кто может отказаться от дачи показаний. Ключевая особенность свидетеля как участника процесса заключается в том, что некоторые категории лиц обладают свидетельским иммунитетом. В переводе с латинского «иммунитет» означает «свободный от чего-либо, не обязанный делать что-то, что вменяется извне»². В научных кругах под ним понимается разновидность юридического иммунитета, а в рамках гражданского судопроизводства он характеризуется как особые процессуальные отношения, возникающие между судом с одной стороны и участниками процесса – с другой, что в совокупности регулируется специальными нормами законодательства РФ, в соответствии с которыми лицу, участвующему в гражданском процессе предоставляются определённые привилегии в отличие от иных участников, задействованных в рассмотрении дела³. Свидетельский иммунитет предполагает возможность отказа свидетельствовать в суде, разглашать сведения и факты, ставшие ему известными в силу должностного или служебного положения. Перечень таких лиц определяется ст. 51 Конституции Российской Федерации и ч. 3 и 4 ст. 69 ГПК РФ.

В рамках данной статьи остановимся на анализе лишь одной разновидности свидетельского иммунитета – иммунитета священнослужителей. Свидетельский иммунитет священнослужителей в гражданском процессе не подвергался детальному научному исследованию, в отличие от уголовно-процессуального права. Институт свидетельского иммунитета священнослужителей – междисциплинарный, составляющий предмет исследования не только юридических наук, но и философии, религии.

Вопросы законодательной регламентации свидетельского иммунитета священнослужителей и включение их в перечень лиц, которые не могут быть допрошены в рамках гражданского судопроизводства в качестве свидетелей, длительный период времени вызывает немало споров. Исторически, датировавшись VI в., правило обязательного соблюдения молчания обо всех фактах, ставших известными священнику в результате исповеди, относилось к одному из наиболее строгих, установленных церковью⁴.

Пробельность, коллизийность, конкуренция норм российского права, регламентирующих вопросы свидетельского иммунитета священнослужителей, подтверждают их актуальность. Гражданское процессуальное законодательство РФ не регламентирует, кто конкретно относится к священнослужителям и не содержит дефиниции данной категории, также как и не определяет сущностную природу исповеди, что нередко приводит к неоднозначной интерпретации положений ст. 69 ГПК РФ. Более того, Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ не содержит определения рассматриваемого термина. Словарь церковных терминов под священнослужителем понимает лицо, имеющее благодать совершать таинства (архиереи и священники) или непосредственно участвовать в их совершении (дьяконы)⁵. Соответственно, понятие священнослужитель, о котором идет речь в ГПК РФ, шире понятия священник, но только священники обладают полномочиями исповедовать.

Согласно нормам ГПК РФ, в качестве свидетелей по гражданскому делу не могут быть допрошены священнослужители религиозных организаций, прошедших государственную регистрацию. Вместе с тем, в вышеназванном федеральном законе к организациям, правомочным осуществлять деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица, отнесены также религиозные объединения и религиозные группы (ч. 1 ст. 7).

Проблемы правоприменения порождает и неоднозначное толкование объема свидетельского иммунитета священнослужителя. Анализ положений Федерального закона РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях», закрепляющих, что

тайна исповеди охраняется законом и невозможность привлечения священнослужителей к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны им из исповеди, демонстрирует его относительный характер. При этом ГПК РФ однозначно регламентирует абсолютный характер свидетельского иммунитета священнослужителей, устанавливая запрет на допрос священнослужителей религиозных организаций, прошедших государственную регистрацию, в качестве свидетелей об обстоятельствах, которые стали им известны из исповеди. Подобную правовую коллизию следует разрешать по общим правилам, и приоритет необходимо отдавать нормам специального нормативного акта, которым выступает ГПК РФ, закрепляющим, что свидетельский иммунитет священнослужителя является абсолютным.

Сказанное открывает еще одну проблему, – допустимости или недопустимости отмены императива на привлечение священника в гражданский процесс в качестве свидетеля? Рассуждая над этим вопросом, необходимо обратиться к пониманию тайны исповеди, легальное определение которой, кроме установления ее охраны законом и невозможности привлечения священнослужителя к ответственности в случае отказа от дачи показаний, также в законодательстве отсутствует. Теоретически, подобное возможно в случаях, если лицо, открывшее свою тайну священнослужителю на исповеди, само желает ее огласки.

Дискуссии, объясняемой недостаточной разработанностью проблемы, а также анализом опыта зарубежных государств, подвергаются вопросы обоснованности наделяния священнослужителей свидетельским иммунитетом в условиях светского государства. Согласно ст. 14 Конституции РФ, Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Одни ученые крайне негативно высказываются о возможности государства вмешиваться в дела церкви, устанавливать императивные нормы⁶. Сторонники иной позиции, напротив, защищают концепцию свидетельского иммунитета священнослужителей, отстаивают необходимость защиты тайны исповеди⁷. Полагаем, что все же вмешательство государства в

дела церкви допустимо, но очень деликатно, не нарушая веками сложившихся церковных писаний и уважая религиозные чувства людей.

Институт свидетельского иммунитета священнослужителя в рамках гражданского судопроизводства, необходимо пересмотреть, принимая во внимание светский характер государства, нравственную позицию общества, а также плюрализм точек зрения авторов на перечисленные проблемы.

Закрепление свидетельского иммунитета священнослужителей в гражданском процессуальном законодательстве, несмотря на ряд дискуссионных, противоречивых моментов, необходимо и социально обусловлено. Он защищает священнослужителей, выполняющих свой служебный долг, и гарантирует права граждан, доверивших им свое покаяние, на неприкосновенность личной жизни, семейной тайны и т.д. Эти положения о свидетельском иммунитете священнослужителей отличают его от свидетельского иммунитета других категорий граждан. Нормы о свидетельском иммунитете имеет и важное прикладное значение, поскольку связано с проблемой предупреждения лжесвидетельства.

¹ О свободе совести и о религиозных объединениях: Федер. закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (с изм. и доп. от 11.06.2021. № 169-ФЗ) // СЗ РФ. 1997. № 39. ст. 4465; 2021. № 24 (часть I). Ст. 4187.

² Бандурин С. Г., Громов Н. А. О проблемах свидетельского иммунитета // Следователь. 2004. № 7. С. 18-23.

³ Волосова Н. Ю. О тайне исповеди и свидетельском иммунитете священнослужителя в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 3 (178). С. 93.

⁴ Горшкова А.С. Проблема тайны исповеди в гражданском процессе // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. 2018. Т. 5. С. 223–226.

⁵ Дунаев А. В. Свидетельский иммунитет в гражданском судопроизводстве // Вестник науки. 2019. Т. 4. №5 (14). С. 128–131.

⁶ Коллантай В. А., Копытско П. П. Юридический иммунитет священнослужителя Русской православной церкви (Московского патриархата) в дискурсе цивилистического процесса // Философия права. 2021. № 2 (97). С. 54–58.

⁷ Якушева Я. Я., Кузнецова Е. А. Свидетельский иммунитет в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 5–4. С. 210–212.

*Саратовская государственная
юридическая академия
Уменушкина Ольга
Константиновна
E-mail: olgaumenushkina@yandex.
ru*

*Saratov State Law Academy
Umenushkina Olga Konstantinovna
E-mail: olgaumenushkina@yandex.
ru*

Чеминава Теона Кобаевна

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

**ПРИНЦИПЫ ВЕЖЛИВОСТИ И ВЗАИМНОСТИ
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СУДЕБНЫХ
АКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

Cheminava Teona Kobaevna

Tyumen State University, Tyumen

**PRINCIPLES OF POLITENESS AND RECIPROCALITY
IN THE IMPLEMENTATION OF FOREIGN JUDICIAL
ACTS ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN
FEDERATION**

Аннотация: *в статье рассматриваются проблемы применения международных принципов при исполнении иностранных судебных решений.*

Abstract: *The article deals with the problems of applying international principles in the execution of foreign judgments.*

Ключевые слова: *гражданский процесс, судебное решение, исполнение иностранных судебных решений.*

Key words: *civil procedure, court decision, execution of foreign court decisions.*

В настоящее время нормативно-правовая сфера Российской Федерации находится на стадии трансформации. Трансформация основана на интеграции в большинстве сферах деятельности, что приводит к расширению сотрудничества на международном уровне.

В то же время на рубеже 2022 года сохраняются случаи, когда решения иностранных судов не признаются на территории Российской Федерации в виду отсутствия соответствующего

международного договора между странами, что создает дополнительные неудобства для выстраивания отношений и защиты прав граждан на международном уровне и на территории Российской Федерации.

Одной из основополагающих целей гражданского судопроизводства является реальная защита прав и законных интересов гражданина, что возможно только в том случае, если судебный акт исполняется. Однако данная процедура усложняется в том случае, когда акт органа правосудия вынесен на территории одного государства, а исполняется на территории другого.

Правовая база для признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений в Российской Федерации, помимо международных договоров, устанавливается специальными процессуальными нормами, под которыми понимаются в первую очередь гл. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и нормы Федерального закона «Об исполнительном производстве». В данном случае необходимо отметить следующее: в отличие от Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, в котором установлено, что решения судов иностранных государств признаются и исполняются в Российской Федерации арбитражными судами на основании международного договора или федерального закона, в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации упоминается только международный договор в качестве такого основания.

На данный момент одной из основных проблем российского прецедентного права, связанных с международными частными отношениями, является возможность приведения в исполнение судебных решений из стран, у которых нет специальных договоров о взаимном пересмотре судебных решений с Россией. Как ни удивительно, это страны ведущей мировой экономики Западной Европы, США, Канады и Японии.

Именно тогда, когда между странами нет международного договора, на сцене появляется принцип взаимности. Этот принцип вытекает из еще более древнего обычая международной вежливости (*comitas gentium*, вежливость), который требует, чтобы государства вежливо относились к иностранному правопорядку.

Однако взаимность и вежливость – это разные понятия. Необходимо четко понимать разницу между этими двумя правовыми категориями.

Так, принцип вежливости означает необязательные обычаи, которым государства добровольно следуют по соображениям этикета, удобства и поддержания добрососедских отношений.

В то время как взаимность допускает признание прав, приобретенных в иностранном государстве, только в том случае, если это государство допускает признание прав, возникающих в первом государстве. Как отмечает, Светланов А.Г. суть принципа взаимности трактуется приближенно к реторсии, как основание для отказа в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда, если по закону государства, где судебный акт был вынесен, принцип *resjudicata* не действует в отношении судебных актов признающего государства¹.

Следует отметить, что принцип международной вежливости является наиболее общим необязательным для применения правилом, что в свою очередь не может превратить его в одно из оснований для признания и исполнения иностранного судебного решения. Существует заслуживающая внимания точка зрения, согласно которой доктрина международной вежливости не является адекватной для того, чтобы выступить причиной и основой для исполнения иностранных судебных актов, в то время как взаимность остаётся для этого подходящей основой².

В данном случае, необходимо обратить внимание на то, что неписаное правило взаимности должно применяться в качестве «крайней меры» в случае отсутствия международных договоров, иначе реализация рассматриваемого принципа умалила бы значение международных договоров между странами, что безусловно является более значимым шагом в выстраивании благоприятных отношений между государствами.

Рассмотрим существующие трудности реализации принципа взаимности при признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений.

Во-первых, правовая не закреплённость рассматриваемого принципа. На данный момент применение принципа взаимности при рассмотрении вопроса об исполнении иностранного судебного решения является актом доброй воли со стороны рос-

сийского суда. То есть, суд только по своей инициативе может применить принцип взаимности в случае отсутствия международного договора между странами, так как рассматриваемая доктрина не обладает обязательным характером. Эта правовая неопределённость привела к весьма неоднозначной судебной практике.

Так, в своем решении Восьмой кассационный суд общей юрисдикции заявил, что только отсутствие соответствующего международного договора не может быть основанием для отклонения заявления о приведении в исполнение австрийского решения, если австрийские суды признают обязательный характер российских решений на основе принципа взаимности³.

Существует и другая практика, когда суды отказывают в применении правил взаимности, аргументируя свою позицию строгим толкованием ч. 1 ст. 409 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Например, Московский городской суд отказался привести в исполнение решение иностранного суда на основании отсутствия соответствующего двустороннего договора между Россией и Британскими Виргинскими островами⁴.

Во-вторых, даже если суды и признают правила взаимности, существует масса вопросов, четкого ответа на которые не разработала ни правоприменительная практика, ни законодатель.

Таким образом, до сих пор нет определенных критериев в отношении проверки российскими судами правила взаимности. Оценка общих критериев проводится в каждом конкретном случае. В некоторых из них суд не требует доказательств взаимного приведения в исполнение. Например, в рассмотренном выше решении Восьмой кассационный суд общей юрисдикции указал на то, что судьи могут устанавливать взаимность в практике иностранных судов независимо от заявителей. Более того, суд заявил, что даже если заявитель не смог доказать взаимность исполнения решений, суд первой инстанции должен был запросить у него доказательства исполнения судебных решений на основе взаимности или запросить соответствующую информацию у Министерства иностранных дел России и Министерства иностранных дел Австрии.

Таким образом, в конкретном примере субъектом доказывания взаимности исполнений решений между странами выступал

именно суд, а не заявитель. Также можно сделать вывод о том, что запрос в соответствующие компетентные органы является одним из средств установления той самой взаимности.

Другие же суды отказывают в исполнении иностранных судебных решений, аргументируя свою позицию отсутствием, в деле представленных со стороны заявителя доказательств того, что решения российских судов были признаны в другой стране. Например, Московский городской суд отказался привести в исполнение решение иностранного суда на том основании, что заявитель не доказал взаимность в голландском прецедентном праве⁵. По нашему мнению, этот отказ признать решение Округного суда Амстердама представляется крайне неоднозначным. Если бы суд сам, как указано в одном из решений, описанных выше, занимался определением взаимности, он установил бы её в голландском прецедентном праве. Таким образом, отказ нарушил право заявителя на справедливое судебное разбирательство и судебную защиту.

В заключении, хотелось бы отметить, что как показывает практика, суды общей юрисдикции продолжают строго толковать положения конституционного права, которые прямо не предусматривают признания судебных решений на основе принципа взаимности. Это создает дополнительные неудобства для выстраивания отношений и защиты прав граждан на международном уровне и на территории Российской Федерации.

Практические рекомендации для заявителей, добивающихся признания иностранных решений российских судов, заключаются в том, что в большинстве случаев они должны быть готовы доказать, что суды страны происхождения решения ранее признавали решения российских судов. В то же время прецедентное право показывает, что целесообразно продемонстрировать, что взаимность была развита в делах аналогичной категории.

¹ Светланов А.Г. Международный гражданский процесс: современные тенденции. Монография. М., 2002. С. 74.

² Elizabeth Crawford. International Private Law in Scotland. Edinburgh, W. Green I Sweet & Maxwell, 1998. С.420.

³ Решение Восьмого Кассационного суда общей юрисдикции от 23.04.2020 № 88-4957/2020 [Электронный ресурс]. Документ опубли-

кован не был. Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.01.2022).

⁴ Постановление Московского городского суда от 03.07.2020 по делу № 3М-0568/2020 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.01.2022).

⁵ Постановление Московского городского суда от 11.08.2020 по делу № 3М-0036/2020 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.01.2022).

*Тюменский государственный
университет
Теона Кобаевна Чеминава
E-mail: cheminava_t@mail.ru.*

*Tyumen State University
Teona Kobaevna Cheminava
E-mail: cheminava_t@mail.ru.*

Научное издание

**ТРИБУНА
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Сборник научных статей

Выпуск 18

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
И ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
Том 2

Под редакцией *О. С. Рогачевой*

Издано в авторской редакции
Компьютерная верстка *Н. А. Сегиды*

Подписано в печать 24.10.2022. Формат 60×84/16.
Уч.-изд. л. 8,4. Усл. п. л. 8,6. Тираж 50 экз. Заказ 368

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3